

Л. В. КРЕСТОВА

С. П. РУМЯНЦЕВ — ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ

(1755—1838)

I

Круг русских писателей и публицистов XVIII в. до сих пор выявлен не полностью. По этой причине трудно составить себе отчетливое представление о конкретно-исторической основе журнальной полемики 1760—1780-х годов и раскрыть историко-литературный процесс с необходимой полнотой.

Из русских писателей и публицистов последней четверти XVIII в. незаслуженно забыт Сергей Петрович Румянцев, перу которого принадлежит ряд поэтических произведений и смелых политических статей. Среди последних особенно важны сатирическое письмо, подписанное «Ни одной звезды во лбу не имеющий», и приложенная к нему статья «Петр Великий»,¹ вызвавшие резкие нападки Екатерины II и его соратников, «Разговор, бывший в Торгау», напечатанный анонимно после смерти автора, и некоторые басни.

Убежденный сторонник естественного равенства людей, поклонник «благого просвещения» и противник деспотизма, С. П. Румянцев в зрелые годы стал заметным дворянским общественным деятелем.

С. П. Румянцеву принадлежит инициатива прогрессивного для начала XIX в. проекта закона о «свободных хлебопашцах» (1803), на основе которого он немедленно освободил принадлежавших ему крестьян с землею и без выкупа. Затем, сначала вместе с братом Николаем Петровичем, а позднее (после смерти последнего в 1826 г.) один, он отдал много средств для создания Румянцева-ского музея, куда передал, например, личную библиотеку в десять тысяч томов.

¹ «Собеседник любителей российского слова», 1783, ч. VII. См.: С. П. Румянцев. Автобиография. — «Русский архив», 1869, стр. 839—854.

По своему происхождению и родственным связям С. П. Румянцев принадлежал к высшему кругу русского дворянства. Его отец Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725—1796) — победитель при Кунерсдорфе, Кольберге, особенно при Ларге и под Кагулом, выдающийся русский полководец. Наряду с Суворовым П. А. Румянцев «является одним из основоположников русской школы военного искусства».² С талантом полководца Румянцев сочетал также дар незаурядного дипломата.³ Одно время он занимал высокий административный пост (управителя Малороссии). Екатерина II, относившаяся в основном несочувственно к Румянцеву, все же считала его «великим человеком и человеком государственным».⁴

П. А. Румянцев не был счастлив в семейной жизни, через шесть лет после женитьбы навсегда покинул жену Екатерину Михайловну (1723—1779) — дочь прославленного фельдмаршала М. М. Голицына, и отдалился от семьи. Младший из сыновей Румянцевых, Сергей Петрович, родился 17 марта 1755 г.⁵

О своем детстве и воспитании, обычном в дворянских семьях, Румянцев писал: «В это время воспитание графа было весьма в плохом состоянии, да и присмотр был такой слабый, что если бы оно продолжилось, то весьма бы худых следствий ожидать бы должно было». Только благодаря стараниям матери, необычайно внимательной к своим сыновьям, и собственной «охоте к познаниям» получил Румянцев образование, которое «французские тогдашние учителя доставить ему не могли».⁶

В январе 1772 г. семнадцатилетний Румянцев появился при дворе Екатерины и на собраниях в Эрмитаже. Сюда допускалось избранное общество, а из «молодых людей приглашались токмо два г. Румянцевы (Сергей и Николай Петровичи, — Л. К.), что обратило на себя общее внимание».⁷

Но ни пышность придворной жизни, ни звание камер-юнкера (1772), ни расположение императрицы не привлекали Румянцева. Он стремился к знанию и вместе с братом уехал изучать всеобщую историю и право в Голландию, в прославленный Лейденский университет.

² Н. М. Коробков. Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов, М., 1947, стр. 5.

³ См.: Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 (его подготовка и заключение). М., 1955, стр. 106, 107.

⁴ А. В. Храповицкий. Дневник (1782—1793). М., 1901, стр. 85.

⁵ Основной канвой для жизнеописания С. П. Румянцева является, как мы уже указывали, его «Автобиография».

⁶ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 842.

⁷ Там же, стр. 853; см. также: «Камер-фурьерский журнал за 1772 год», т. XVI, стр. 8 и далее; а также стр. 309; Письма Екатерины Второй к бар. Гримму. — «Русский архив», 1878, т. I, стр. 7; Дм. Кобек. Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов (1741—1789). — «Русский архив», 1881, ч. III/2, стр. 261.

По пути братья побывали в Варшаве, где им устроили торжественную встречу, которая (как хорошо понимал С. П. Румянцев), относилась не к ним, а к их отцу, прославленному воинскими победами.

Сильнейшее впечатление произвел затем на Румянцева Дрезден и особенно его галерея. Картины Веронезе, Рафаэля, особенно «Венера» Тициана, «Ночь» Корреджио вызвали восторг юноши.⁸ Из Дрездена молодые Румянцевы отправились в Берлин, в котором, по словам С. П. Румянцева, «царит дух разъединения и злобы».⁹ В противовес Пруссии ему очень понравилась Голландия, где «он смотрит на все, размышляет обо всем».¹⁰

В Лейденском университете, куда попали Румянцевы, находилась в то время целая группа молодых русских аристократов (Алексей Куракин, Шереметевы, Гагарины, Апраксин и др.). Судя по их письмам, Румянцевы много времени уделяли науке. «Они занимаются с утра до ночи», — сообщает Алексей Куракин.¹¹

Ближайшим наставником русских студентов был профессор Ф.-В. Пестель, преподававший историю.¹² Должное внимание обращалось на языки, особенно латинский, немецкий и итальянский.

Румянцевы несомненно знали многое поверхностно, но, как и европейские студенты той эпохи, они также занимались правом естественным по Пуфендорфу, а курс политики изучали по Монтескье.

Окончив слушание курса в сентябре 1775 г., братья Румянцевы для завершения образования отправились путешествовать. Их сопровождал «важный» Гримм, корреспондент Екатерины II, исполнявший то роль посредника между государями Европы, то подчас не гнушавшийся ролью гувернера. Юноши посетили Францию, Италию¹³ и, проезжая через Швейцарию, подобно многим русским,¹⁴ заехали в Фернэ, на «постоялый двор Европы», как шутя называл Вольтер свой замок. С. П. Румянцев вспоминал впоследствии, что «они видели Вольтера весьма уже старого и лежащего в постели».¹⁵

⁸ Сергей Румянцев — Александру Куракину. Дрезден, 6 июля 1774 г. — Архив князя А. Ф. Куракина, т. VII, СПб., 1898, стр. 306—308, № 1261.

⁹ Сергей Румянцев — Александру Куракину. Лейпциг, 27 июля 1774 г. — Там же, стр. 321—322, № 1277.

¹⁰ То же. Лейден, 22 сентября 1774 г. — Там же, стр. 329, № 1285.

¹¹ Алексей Куракин — Александру Куракину. Лейден, 5/16 мая 1775 г. — Там же, стр. 402, № 1328.

¹² Проф. Пестель — Александру Куракину, Лейден, 20 февраля, 1775. — Там же, стр. 361, № 1307.

¹³ Кардинал де Берни — И. И. Шувалову, 17 января 1776 г. — И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты. Предисловие и публикация Н. Голицына. — «Литературное наследство», т. 29—30, М., 1937, стр. 290.

¹⁴ Ср.: М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество. — Сб. «Вольтер», под ред. В. П. Волгина, М., 1948, стр. 61—62.

¹⁵ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 844.

Впрочем, общение С. П. Румянцева с Вольтером, который в то время был в Европе «поэт в поэтах первый» (Пушкин), началось еще до личной встречи. С 1773 г. Румянцев писал стихи на французском языке, в которых, по его свидетельству, «много было мизантропического».¹⁶ Эти стихи показались Гримму настолько интересными, что он, с согласия автора, препроводил их к Вольтеру.¹⁷

До нас дошли три письма Вольтера к разным лицам, в которых он упоминает о С. П. Румянцеве-поэте.

В первом из них, адресованном д'Аржанталю, от 24 октября 1774 г., Вольтер сообщает: «Croyiez-vous que je viens de recevoir des vers français d'un fils du comte Romanzof, vainqueur des Turcs, et que parmi ces vers il y en a de très beaux, remplis surtout de la philosophie la plus hardie, et telle qu'elle convient à un homme qui ne craint ni le mufti, ni le pape».¹⁸

Во втором письме, отправленном Верну 28 октября 1774 г., Вольтер уделяет особенное внимание одному из произведений Румянцева: «Le petit ouvrage en vers du jeune comte de Romanzof est un Dialogue entre Dieu et père Hayer, récollet, l'un des auteurs du Journal chrétien. Hayer prêche à Dieu l'intolérance: Dieu lui répond qu'il n'a point de Bastille et qu'il ne signe jamais de lettres de cachet. Hayer lui dit:

Ciell! que viens-je d'entendre! ah! je le vois bien,
Que vous-même Seigneur, vous ne valez plus rien».¹⁹

Наконец, через день, 29 октября того же года, Вольтер упоминает о произведении Румянцева в письме к Даламберу: «Сын графа Румянцева сочинил французские стихи, из которых некоторые еще более удивительны, чем стихи Андрея Шувалова. Это диалог между богом и почтенным отцом Гэйэ (Hayer), издателем „Христианского журнала“. Бог советует ему терпимость, на

¹⁶ Там же, стр. 843.

¹⁷ Там же, стр. 844. Кроме того, из письма Гримма к Румянцеву от 20 марта 1775 г. следует, что он испрашивал согласия С. П. на отправку его стихов также Frau С. (так оба корреспондента называли Екатерину), что и было исполнено (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), Отдел рукописей, Р.а.7.40).

¹⁸ Voltaire, Oeuvres, vol. 69, ed. Beuchot, 1836; Correspondance, vol. XIX, стр. 89, № 6785. «Я только что получил французские стихи одного из сыновей графа Румянцева — победителя турок, в этих стихах есть прекрасные строки, исполненные самой смелой философии, вполне подходящей человеку, который не боится ни муфтия, ни папы».

¹⁹ Там же, стр. 90, № 6787. «Небольшое стихотворное произведение молодого графа Румянцева — Диалог между богом и францисканцем Гэйэ, одним из издателей „Христианского журнала“ (направленного против „Энциклопедии“, — Л. К.). Гэйэ проповедует нетерпимость, бог отвечает, что у него нет Бастилии и что он не подписывает никогда приказов об аресте. Гэйэ возражает: „Небо, что я слышу! А! а! Я ясно вижу, что и ты, господи, ничего не стоишь“. См. также в письмах Вольтера отрицательный отзыв о Гэйэ: В. С. Люблинск и й. Вольтер в советских фондах. — Сб. «Вольтер», Л., 1947, стр. 392 и 395.

что Гэйэ ему отвечает: «Небо! Что я слышу! А! а! Я ясно вижу, что и ты, господи, ничего не стоишь. Впрочем, все остальное не отличается подобной же силой».²⁰

Комментируя сохранившиеся строки произведения С. П. Румянцева, М. П. Алексеев правильно указывает, что отзыв Вольтера, знавшего таких русских поэтов-аристократов, как А. П. Шувалов или А. М. Белосельский, блестяще писавших по-французски, касается «не метрики, не усвоенного образованным русским человеком искусства слагать французские стихи, но самого существа мысли, которая кажется Вольтеру сильной и увлекательной».²¹

В настоящее время это произведение — «Dialogue. Dieu et le père Naueg», из которого Вольтер не совсем правильно процитировал две строки, стало доступно в полном виде (87 строк). Оно находится в третьем томе рукописного собрания «Сочинений и бумаг» С. П. Румянцева (лл. 147—148 об.).²²

В стихотворении, исполненном ядовитой насмешки над религией, резко высмеян аббат Гэйэ — издатель «Journal chrétien». Он представлен как автор плохих произведений, рьяный защитник церкви, «которую разум осуждает, а Рим канонизирует». Румян-

²⁰ Письмо к Даламберу дается в переводе М. П. Алексеева: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. — Сб. «Вольтер», Л., 1947, Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов, стр. 241—291. А. Лортолари ошибочно считает автором этих стихов, которые Вольтер признал «étonnants», вместо Сергея Петровича Николая Петровича Румянцева (см.: Alb. Lortholary. Le mirage russe en France au XVIII s. Paris, 1951, стр. 155 и 156, а также указатель, стр. 408). Об А. П. Шувалове, авторе «Epiître à Ninon», см.: Д. Ф. Кобеко. Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов, стр. 241—291.

²¹ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века, стр. 55.

²² Три тома «Сочинений и бумаг» С. П. Румянцева находятся в настоящее время в Государственном архиве Рязанской области: том 1 — бумага разного формата, рукопись в лист на 303 листах, инв. № 13370; том 2 — бумага разного формата, рукопись в лист на 382 листах, инв. № 13371; том 3 — бумага разного формата, рукопись в лист на 298 листах, инв. № 13372. Все три тома в переплетах, на корешках которых видна стершаяся, некогда позолоченная надпись: «Сочинения графа Сергея Петровича Румянцева». Ниже инициалы: «Г.Д.Т.», т. е. граф Дмитрий Толстой. Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) — реакционный государственный деятель XIX в., имел в имени «Маково» близ г. Михайлова большое собрание рукописей и документов, в числе которых были сочинения и бумаги С. П. Румянцева. После Октябрьской революции часть библиотеки Д. А. Толстого (в том числе три тома сочинений и бумаг С. П. Румянцева) поступила в Центральную библиотеку-читальню г. Михайлова, откуда после Великой Отечественной войны были переданы Государственному архиву Рязанской области. Большая часть текста во всех трех томах писана писарской рукой, но имеет довольно многочисленные исправления и приписки, сделанные С. П. Румянцевым. Текст стихотворения С. П. Румянцева «Dialogue. Dieu et le père Naueg» издан мной в журнале «Revue des études slaves», t. 36, Paris, 1959, стр. 9—11. Надо отметить, что заглавие «Сочинения С. П. Румянцева» — не вполне точно, так как во всех томах содержится, кроме сочинений С. П. Румянцева, немало документов, выписок из экономических и политических трактатов, конспектов лекций по высшей математике и т. п. Тома должны быть озаглавлены: «Сочинения и бумаги С. П. Румянцева».

цев выбирает острую ситуацию. Он изображает Гэйэ, пришедшим к самому богу. Здесь аббат, с одной стороны, хвалит себя — защитника законов божиих; с другой — осуждает «глупый свет», который предпочел святому Евангелию злого Рабле. По его мнению, все сошли с ума от философии, системы «Энциклопедии». Вероотступник Вольтер развращает вселенную, нападает на папу. Гэйэ упрощает бога пристыдить Вольтера — «это мерзкое существо», дать ему отвесть адских мучений, сделать так, чтобы отвратительное имя его погибло навек.

К удивлению Гэйэ, бог (совершенно в духе энциклопедистов) оказывается весьма терпимым и благодушно настроенным. Он утверждает, что никогда не грозил казнями, отказывается от каких бы то ни было обрядов (постов, обеден), заявляет, что у него нет Бастилии и он не воспрещает свободно насмеяться над ним.

Кроме того, в уста бога Румянцев вкладывает призыв любить всех людей без различия, быть радостными и рождать детей. Ответ подобного рода приводит в гнев Гэйэ. Напоминая о том, что высшее существо некогда умело быть гневным, Гэйэ полагал, что даже бога испортила философия. Она сделала из него еретика. Аббат принимает решение обратиться в инквизицию, которая объяснит ему подобные поступки бога.²³

Теперь понятно, почему образ юного русского поэта — смелого мыслителя — запомнился Вольтеру, защитнику человеческого разума. Можно поверить С. П. Румянцеву, что Вольтер напутствовал его словами: «Вы, сударь, далеко пойдете».²⁴ 10 февраля 1775 г. Гримм сообщал Румянцеву, что о нем упоминает Вольтер в своем новом произведении, которое Гримм неточно называет «Путешествие Разума» («Voyage de la Raison»)²⁵.

Изображая путешествия Разума по Европе, Вольтер бросает взор и на Россию, правительница которой только что вынудила султана заключить мир. Почтительно льстя Екатерине, которую он одновременно непочтительно называл в частных письмах *Sa-teau*, Вольтер изображает ее богато одаренной натурой.

Императрица обширнейшей страны то занята государственными делами, то беседами с философом (подразумевается Дидро, посе-

²³ Кроме указанного наиболее значительного произведения, в третьем томе имеется еще ряд стихотворений Румянцева на французском языке, а именно: «Les quatre âges» (лл. 148 об. и 149, издано мной: «Revue des études slaves», t. 36, Paris, 1959, стр. 12), басня (л. 149) и много стихотворений «на случай».

²⁴ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 844. Неправильную оценку этим словам Вольтера дал В. А. Бильбасов, считавший их совершенно необоснованными и думавший к тому же, что Румянцев писал свою биографию в глубокой старости (В. А. Бильбасов. Екатерина II и граф Н. П. Румянцев. — «Русская старина», 1894, февраль, стр. 71, прим. 1). В действительности, как указывают сохранившиеся рукописные материалы, Румянцев начал работать над своей биографией с пятидесятилетнего возраста.

²⁵ Ф. М. Гримм — С. П. Румянцеву. 10 февраля 1775 г. — ГБЛ, Отдел рукописей, Р. а. 7. 40. Точное название этого сочинения Вольтера см. в прим. 27.

тивший Россию в 1773—1774 гг.), то развлечениями. Она окружена также талантливыми придворными. Один из них «écrit en vers français à Ninon dans un style supérieur à celui de l'Abbé de Chauvieu et qu'un autre écrit à vous (т. е. Екатерине, — Л. К.) et au Roi dans le même style».²⁶

В сносках к этой статье Вольтер поясняет, что в первом случае речь идет о графе А. П. Шувалове, а во втором — «о сыне фельд-маршала Румянцева, который разбил турок».²⁷

Оканчивая вышеуказанное письмо Румянцеву, Гримм прибавляет: «Bonsoir, jeune héros du vieux Voltaire».²⁸

Симпатизируя С. П. Румянцеву, Вольтер в то же самое время хорошо понимал, что тот живет в самодержавном государстве. Еще до приезда русского поэта в Фернэ, его владелец писал 6 июля 1774 г. г-же Эпиналь: «Не знаю, где теперь Гримм; говорят, что он путешествует с графами Румянцевыми; ему следовало бы привезти их в Женеву; тем, кои рождены для того, чтобы служить опорой власти неограниченной, не мешает взглянуть на республику».²⁹

Нам, к сожалению, не известны во всей широте политические взгляды С. П. Румянцева той поры. Но не может быть сомнения, что беседы с Вольтером, поездка по Европе не прошли бесследно для формирования его мировоззрения, и в эти годы запечатленного свободомыслием.

Так, в письме к Александру Куракину, отправленном из Булони (8/19 декабря 1776 г.) Румянцева, рассказывая о своих путешествиях по Италии и Франции, восхищается Женевой, в которой «господствует дух разума, спокойствия, философии». Он выражает искреннее желание «быть гражданином этого города, жить здесь в спокойствии, умеренности и самое главное — в независимости». Но он русский, «и как русский не способен решиться на подобный поступок».³⁰

Кроме того, до нас дошло еще одно интересное политическое высказывание молодого Румянцева.

²⁶ Перевод: «пишет на французском языке стихи к Ninon в стиле более высоком, чем произведения аббата Шолье, а другой — в том же самом стиле послание к вам (т. е. Екатерине II) и королю (прусскому)». Оба упомянутые произведения нам неизвестны.

²⁷ M. de Chambon. Éloge historique de la Raison, prononcé dans une Académie de Province, 1775, стр. 100. M. de Chambon — псевдоним Вольтера. Приписанная С. П. Румянцеву М. П. Алексеевым трагедия «Don Pedre, roi de Castille», первоначально названная «Pierre cruel», в действительности также принадлежит Вольтеру (см.: М. Р. Алехэф. Voltaire et Schouvaloff. Fragments inédits d'une correspondance franco-russe au XVIII s. Odessa, 1928, стр. 26, прим. 23).

²⁸ Перевод: «Добрый вечер, молодой герой старого Вольтера».

²⁹ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 844, прим. 11.

³⁰ Сергей Румянцев — Александру Куракину. — Архив князя Куракина, т. VIII, стр. 306—307, № 1523.

Узнав о проекте Екатерины распространить русское владычество на Грецию и Турцию, С. П. Румянцев сказал: «Мне неизвестны намерения государыни, но Российская империя столь велика, что если бы пожелали так далеко раздвинуть ее пределы, то понадобилось бы для управления ею изобрести средства более тонкие, чем тайны деспотизма (*secrets du despotisme*)».³¹

Это суждение молодого Румянцева, которое любил приводить Гримм, своей зрелостью глубоко поразило Неккера, опытного политического деятеля предреволюционной Франции: «...un mot de lui qui avait frappé aussi très particulièrement M. Necker».³²

II

Весной 1777 г. Румянцев приехал в Россию, где тотчас же соприкоснулся с мрачными сторонами екатерининского самодержавия и господствовавшим в стране фаворитизмом.

«Возвратясь в Петербург, — писал Румянцев о себе и своем брате, — нашли они Завадовского, теряющего уже фавор, и без того недолговременный. Зорич заступал его место, а в самое это же время туда же приехал король шведский (июнь 1777 г., — Л. К.). При празднике, ему данном на даче Нарышкина (21 июня, — Л. К.),³³ случилось то происшествие, где я князю Потемкину дал почувствовать, что я подчиняться ему не намерен».³⁴ К сожалению, точные причины и характер этого столкновения остаются невыясненными.

К тяжелым впечатлениям вскоре прибавилось также известие о смерти А. П. Сумарокова (1 октября 1777 г.). Судьба крупного драматурга, одного из основателей русского театра, под конец жизни всеми покинутого, лишившегося средств к существованию, топившего горе в вине и похороненного на средства актеров, глубоко взволновала Румянцева. До нас не дошел весь цикл стихотворений Румянцева этого периода, но известно произведение, посвященное им Сумарокову. В печатном тексте «Автобиографии»

³¹ M. Grimm. Notices, Notes. Paris, 1877. Со вступительной статьей И. Г. Мейстера (J. H. Meister. Correspondance de baron de Grimm), который ошибочно приписывает эти слова Н. П. Румянцеву. Между тем, по словам Гримма, они сказаны его «любимцем». Гримм, как он многократно повторял, особенно любил С. П. Румянцева. Так, в своих письмах Гримм постоянно называет его то «Sergozka», то «mon cher enfant», то «Liebchen». См., например, письмо Гримма к Румянцеву (ГБЛ, Отдел рукописей, Р. а. 7/39, стр. 17—18) и письмо Гримма Екатерине (от 8/19 августа 1781 г.) о приверженности к С. П. Румянцеву («ce chien de faible que j'ai pour lui» — «моя чертовская слабость к нему»): Сборник Русского исторического общества, т. 33, СПб., 1881, стр. 226.

³² I. H. Meister. Correspondance de baron de Grimm, — Вступительная статья к книге: M. Grimm. Notices, Notes, стр. 11. Перевод: «... его слова, которые особенно поразили г. Неккера».

³³ Chevalier de Corbeon. Journal intime. Un diplomate francais à la cour de Catherine II, 1775—1780, vol. II. Paris, 1901, стр. 156.

³⁴ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 845.

оно озаглавлено «Духовный Сумароков». В действительности же это — завещание от лица А. П. Сумарокова, написанное С. П. Румянцевым.

Созданное, как свидетельствует сам автор,³⁵ на французском языке, оно было затем переведено неизвестным лицом на русский и напечатано под следующим заглавием: «Послание г. Сумарокова, писанное им при смерти к одному его другу, и последнее его завещание стихотворцам с приобщением сочиненной им себе надгробной надписи 1777 году»:

Теперь, благодаря судьбу, я жизнь кончаю
И радуюсь, что в ней спокойно оставляю
Различных дураков, мошенников, плутов.
Сколь жалок, верный друг! мне жребий твой таков,
Что провождая жизнь без всякой в свете лести,
Останешься ты там, где нет ума, ни чести,
И что не можешь ты покинуть так, как я,
Сего досадного между плутов жилья,
Где всяк нахал свои бесстыдно взносит брови,
И в буйствии своем развраты сеет новы,
Где презирается дел правота от всех
И обращается ругательством во смех.
Ах, столь, мой друг, тебе! в юдоли сей плачевной
Останется сносить бед от судьбины гневной!
И! сколь несчастлив в ней всяк честной человек,
Пока судьба его не прекратится век.
Он должен дни влачить без всякой в ней награды
И горести терпеть на место всей награды.
Но я, освободясь от всех теперь сует,
С веселием дурной сей оставляю свет.
Где совесть, честность, ум и сердце с правотою
Нередко ставится безделкой и мечтою;
И где чем боле кто мошенник, плут, нахал,
Тем часто выгод больше имеет и похвал.
Так! признаюсь я теперь пред светом целым,
Что с духом отхожу от мира я веселым
И сильного Творца за то благодарю,
Что от развратов спас таких он жизнь мою.
И скоро сохранит ее под гробным спудом,
Где ни с одним иметь не буду дела плутом.³⁶

Произведение Румянцева действительно овеяно свойственной поэту «мизантропией», но причины ее отнюдь не личные. Молодой поэт дает отрицательную характеристику свету, «где нет ума, ни чести... И где чем боле кто мошенник, плут, нахал, Тем часто выгод больше имеет и похвал». За словами «здесь всяк нахал свои бесстыдно взносит брови и в буйствии своем развраты сеет новы» слышится осуждение фаворитизма.

Горестью звучит заключение автора, который единственным спасением от всех страданий считает смерть.

³⁵ Там же, стр. 843.

³⁶ Государственная публичная историческая библиотека в Москве. Конволют № 5.566.

На первый взгляд «Послание Сумарокова», принадлежащее С. П. Румянцеву, очевидно сентиментальными настроениями. В русской поэзии 70-х годов XVIII столетия часто разрабатывались пессимистические мотивы о непрочности человеческой жизни, мимолетности счастья. Их не чуждался в своем творчестве и Сумароков. Однако в «Послании» Румянцева берут верх размышления о несовершенстве общественного устройства, о судьбе «честного человека», добывающегося «дел правоты». Подобное осмысление поэзии Сумарокова, которой приданы черты гражданственности, характерно для Румянцева, передового писателя своей эпохи.

«Послание», или «Духовная», Сумарокова, представляющее один из образцов литературной подделки, имело в дальнейшем интересную судьбу. С русского перевода оно через несколько лет было снова переведено на французский. Перевод (на этот раз в прозе) выполнил французский историк Левек. Поместив в книге «Histoire de Russie» общий обзор русской литературы XVIII столетия, он заключил характеристику творчества А. П. Сумарокова следующими словами: «Последним произведением Сумарокова является сатира; уверяют, что она сочинена на смертном одре. Указанное обстоятельство придает произведению большой интерес». По этой причине Левек полностью воспроизводит «Послание» С. П. Румянцева.³⁷

Позднее С. П. Румянцев отметил в «Автобиографии»: «Г. Левек был обманут так, что стихи сии переложил он прозою, не зная отнюдь, что графом они сочинены».³⁸

Литературная мистификация удалась, таким образом, вполне: произведение, приписанное Румянцевым Сумарокову, под фамилией этого последнего распространилось в России и за рубежом, и через 30 лет в статье «Мнение Лекево о русской словесности» произведение Румянцева снова названо «последней сатирой Сумарокова».³⁹

Общественное положение С. П. Румянцева в конце 70-х годов не было блестящим. Он был пожалован в камергеры и должен был нести придворную службу, которая его тяготила. В одном из писем к отцу С. П. Румянцев сетовал «на свое претягостное положение, образу мыслей его совсем противное», и ходатайствовал его разрешения просить себе увольнения от двора.⁴⁰

Тем временем немилость императрицы принудила Е. М. Румянцеву оставить двор, удалиться в Москву, где о ней трогательно

³⁷ P. Ch. Levesque. Histoire de Russie, vol. VIII. Nouvelle édition. Paris, An VIII, стр. 157—158.

³⁸ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 843.

³⁹ «Вестник Европы», 1807, № 10, стр. 117. Ср.: П. Н. Берков. Изучение русской литературы во Франции. — «Литературное наследство», т. 33—34, М., 1939, стр. 761, прим. 27.

⁴⁰ П. Майков. Русский биографический словарь, том «Романова—Рясовский», Пгр., 1918, стр. 577.

заботился младший сын. 22 августа 1779 г. Е. М. Румянцева скончалась.⁴¹

«Печаль, в которую я был погружен, — вспоминал позднее Сергей Петрович, — подвигла меня искать утешения в странствии»,⁴² но, как писал он отцу, «уже не для искания наук, для которых езда уже поздняя, но для приобретения знаний, гражданским должностям приличных». ⁴³ Румянцев едет в Швецию, затем в Данию, посещает Голландию, Англию, где ему удастся побывать в парламенте и где, по его словам, «честь защищать права отечества в народных собраниях приобретается самыми подлейшими способами». ⁴⁴ Завершая путешествие, Румянцев приезжает в Париж. Здесь он испытывает глубокую страсть к некоей г-же А. . ., пишет французские стихи, которые удивляют русских. Румянцев возвращается в кругу аристократов, неоднократно выступает на сцене благородного театра, с успехом исполняя в соответствии со своим характером роль Альцеста в пьесе Мольера «Мизантроп». ⁴⁵

Позднее в дружеских беседах (например, с Н. М. Карамзиным) ⁴⁶ Румянцев любил вспоминать времена Людовиков XV и XVI, свое пребывание в Париже, беседы с философом Гриммом и Мирабо. ⁴⁷

В 1834 г. часть этих воспоминаний Румянцев включил в письмо-статью, предназначенную им редактору «Gazette de France» и касающуюся перемен, происшедших во Франции со времен кануна революции 1789 г. ⁴⁸:

«Когда я покидал Париж в 1783 году, было легко понять, что готовился большой переворот. Со всех сторон говорили о неотложных изменениях в конституции, в законах, в управлении страной, и никто не думал о необходимости изменить нравы. Испорченность, которая в пору регенства и короля Людовика XV находила себе извинение в примере правителя, оправдывалась теперь философскими изречениями. Философию превратили в обоснование вольнодумства и адюльтера. К развращенности чувств прибавили

⁴¹ Трогательный образ Е. М. Румянцевой отчетливо выступает из ее писем к мужу, изданных Д. А. Толстым (Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу. СПб., 1888); ср.: П. Коловой. Покорная и верная жена XVIII в. — «Исторический вестник», 1888, июль, стр. 88—104.

⁴² С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 845.

⁴³ П. Майков, ук. соч., стр. 577.

⁴⁴ Письмо С. П. Румянцева к отцу 24 сентября 1780 г. — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд Румянцевых и Дивовых, 655, т. III, л. 114 об.

⁴⁵ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 847 и 848.

⁴⁶ См.: К. С. Сербинович. Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания. 1802—1824. — «Русская старина», 1874, № 9, стр. 60.

⁴⁷ Ср.: С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 847.

⁴⁸ Lettre d'un Moscovite à la Gazette de France. 7 avril 1834. — ГБЛ, Отдел рукописей, Р. а. 17, № 2. Статья дается в переводе, в «Gazette de France» за 1834 г. она не появилась. Французский текст издан мной: «Revue des études slaves», t. 36, Paris, 1959, стр. 14—15.

развращенность разума и сердца. Позволялось быть неверной супругой и непостоянным мужем, лишь бы уметь процитировать кстати стихотворную строку Вольтера, остроу Дидро, мысль Руссо; супруги жили раздельно, но жена держала на туалетном столике томик „Эмиля“ и с энтузиазмом рассуждала о священных обязанностях матери, в то время как муж, на словах — сторонник экономических наук, растрачивал свое состояние с девкой из Оперного театра. В начале моего пребывания в Париже я удивлялся, встречая в модных кружках женщин, которые, окруженные любовниками, спорили о средствах улучшить социальный строй, но над моим удивлением смеялись, и я прослыл варваром. Там всегда находился какой-нибудь скромный философ, который напоминал мне о беседах Сократа с Аспазией. Эти странные перемены особенно бросались в глаза за столом, на завтраках аббата Морелле, на обедах г. Гельвеция, на ужинах г-жи Неккер. Трапеза стала серьезным делом, наукой, искусством, и вельможа, современная Аспазия, строгий философ не брезговали при случае заняться поварским делом. За десертом начинали нежно сочувствовать страданиям народа, негодовали на повышение хлебных цен, и это называлось беседой о морали и политике. Вы услышали бы тогда, как автор „Философских размышлений“ жаловался на стеснение печати, или негодовал на lettres de cachet, из которых сделали такое ужасное уподобление, как Лувэ говорил о философии, а Лакло проповедовал нравственность. Время предрассудков миновало. Часто смеялись над бедным веком Людовика XIV, когда придавали такое нелепое значение полемике Сорбонны с Пор-Роялем, спорам о милости, о свободе, о чистой любви, о церкви. Дело шло теперь совсем об ином. Учение Кенэ, которое „Друг людей“ называл язычком пламени от факела Прометея, образование и передвижение богатств; чистый продукт; вопрос о том, не содержали ли иероглифы Персеполя начатки экономических сведений или можно создать угря из blé ergoté, как уверял автор „Системы природы“, — таковы были высокие темы разговоров, захвативших все общество.

«Несмотря на эти серьезные занятия, всегда находилось время прочитать „Нескромные драгоценности“, „Жизнь кавалера Фоблаза“, „Опасные связи“ и непристойные романы (которые Мирабо передавали даже сквозь стены Бастилии) и стихотворения Жангиля Бернара, который в это время умирал от объедения и сумасшествия, применив на практике принципы, изложенные в его произведениях. Все становилось материальным в обществе, даже поэзия. Геометр и механик создавали социальные теории и претендовали возродить мир. Американская война всем вскружила головы, только и грезили, что об конституции, естественном праве, народоправстве и, казалось, в некоторых салонах слышишь рассуждения жителей нарождающейся колонии о создаваемом ими государстве в пустыне.

«В полусне и полубодствовании бродили по краю всех заблуждений и всех преступлений, словно лунатики и по краю крыш и пропасти. Наблюдая эту свободу что угодно говорить и писать, я не очень-то понимал, на что жаловались философы. Я уехал в тот момент, когда они готовились к реализации своих теорий. С тех пор я много путешествовал, посетил Германию, Англию, Пруссию, пересек Азию, от Кавказа до Индии и, возвращаясь (во Францию, — Л. К.) пятьдесят лет спустя, не знаю, сдержал ли XVIII век свои обещания. Согласитесь, сударь, что я не торопился и дал ему время совершенствовать созданное им».

Страницы, посвященные С. П. Румянцевым предреволюционной Франции, остались, к сожалению, недописанными. Неизвестно поэтому, какую оценку вызвало бы с его стороны дальнейшее развитие революционного движения. Однако и в таком виде картина, начертанная его пером, представляет несомненный интерес. Посещая «ужины» г-жи Неккер (1739—1794), жены известного политического деятеля, С. П. Румянцев мог встречать и слышать многих писателей, бывавших в ее салоне: Бюффона, Мармонтеля, Рейналя, Дидро, Тома, Сен-Ламбера и др.

Румянцев правильно осудил накануне буржуазной революции господствовавшую в верхах дворянского общества моральную распущенность. Отсюда его отзывы о «Жизни и похождениях кавалера де Фобласа» Луве де Кувре, произведении, популярном в русской среде,⁴⁹ об «Опасных связях» Шодерло де Лакло, о стихах Жантиля Бернара — автора поэмы «Art d'aimer» («Искусство любить», 1775), исполненной утонченного эротизма.

Одновременно обращает на себя внимание живой интерес С. П. Румянцева к философским и социально-экономическим явлениям общественной жизни. Ему известна знаменитая книга Гольбаха «Система природы», первое издание которой было сожжено рукой палача за стремление автора, как гласило обвинение, «расшатать трон» и «разрушить алтари». Румянцева привлекает Морелле (1727—1819), хотя и ученик иезуитов, но в те годы революционно настроенный автор интересных статей в «Энциклопедии», издававшейся Дидро.

Румянцев несомненно читал трактат старшего Мирабо «Ami des hommes ou traité de la Population» (1775), в котором доказывалось, что истинное богатство страны состоит в его народонаселении, благополучие которого зависит от пропитания, а последнее обуславливается развитием земледелия.

В силу своего интереса к положению земледельца не прошел С. П. Румянцев и мимо учения Кенэ — основоположника школы физиократов, с его теорией «чистого продукта», изложенной в «Экономических таблицах» (1758), вызвавших впоследствии критику Маркса.

⁴⁹ Ср.: Пушкин — «Фобласа давний ученик» («Евгений Онегин», песнь I, строфа XII).

На немногих страницах, посвященных изображению предреволюционной Франции, С. П. Румянцев сумел передать обострение классовых противоречий и широкое брожение общественной мысли, когда, по его словам, только и грезили, что «о конституции, естественном праве, народоправстве». К сожалению, статья, как указано выше, осталась незавершенной, и тем самым отношение Румянцева к французской буржуазной революции не получило достаточно ясного выражения.

III

С. П. Румянцев не стремился на родину. «Знаю, — писал он к негодованию отца 1 сентября 1782 г., — как предосудительно молодому человеку проводить время в праздности, но я в ней не обращаюсь. Празднее меня большинство сенаторов, на которых опирается благосостояние государства».⁵⁰

С. П. Румянцев возвратился в Петербург в июне месяце 1783 г., по вызову брата Николая. Н. П. Румянцев предполагал, что перед младшим братом откроется дипломатическая карьера (назначение посланником в Данию), но неожиданное стечение обстоятельств повернуло деятельность С. П. Румянцева в иную сторону.

«Княгиня Дашкова, — вспоминал он позднее, — издавала тогда журнал «Собеседник»».⁵¹ Журналом руководила сама императрица, желавшая после пятнадцатилетнего перерыва снова использовать журналистику как средство воздействия на широкие общественные круги. Именно с этой целью она стала помещать на страницах «Собеседника» собственные произведения: «Записки о российской истории», исполненные монархической тенденциозности, и «Были и небылицы», в которых, по меткому определению Добролюбова, «все ... неглубоко».⁵² В журнале сотрудничали Е. Р. Дашкова, О. П. Козодавлев, И. Ф. Богданович, Е. И. Костров, Г. Р. Державин, В. В. Капнист и др.

Однако очень скоро на страницах «Собеседника» завязалась полемика. Она не исчерпывалась выступлениями одного Фонвизина с его «Вопросами», «Челобитной российской Минерве» и другими статьями.⁵³ Прогив Екатерины вооружилась целая писательская группа, именно к ней и примкнул С. П. Румянцев.

«Княгиня Дашкова, — сообщал Румянцев, — тотчас пригласила меня быть соучастником «Собеседника», давая мне знать, что будет то приятно самой государыне. Не быв расположен представ-

⁵⁰ П. Майков, ук. соч., стр. 578.

⁵¹ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 850.

⁵² Н. А. Добролюбов. Собеседник любителей русского слова. — Поли. собр. соч., т. I, 1934, стр. 52.

⁵³ Ср.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 339; Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956, стр. 229.

лять просто сочинителя, решил я завезть посредством сего журнала переписку с самой императрицей (сочинительницей «Российской истории» и «Былей и небылиц»). Письмо мое первое, до «Российской истории» касающееся, было, мне кажется, писано не без удачи, но слышал я, что государыня, чувствуя искусное с моей стороны ласкательство, сказала, что немногие из русских поймут оное и сочтут противное. Едва ль сие заключение императрицы не было справедливо. Ирония, к которой я прибегнул, одних отроумных удовлетворяет. Второе мое сочинение, при котором я приложил отрывок, до государя Петра Великого касающийся, совсем был неудачен».⁵⁴

Опираясь, таким образом, на собственное признание С. П. Румянцева в «Автобиографии», должно считать его автором следующих статей, помещенных в «Собеседнике любителей российского слова»: во-первых, анонимного письма «К сочинителю „Записок о российской истории“»;⁵⁵ во-вторых, «Письма к сочинителю „Былей и небылиц“», подписанного «Ни одной звезды во лбу не имеющий», с приобщением «Предисловия к Истории императора Петра Великого».⁵⁶

⁵⁴ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 850.

⁵⁵ «Собеседник», 1783, ч. III, стр. 167—172. Обращению к сочинителю «Записок о российской истории» предшествовали следующие строки «Господам издателям „Собеседника“»: «Позвольте мне вам препоручить доставление письма, здесь приложенного: я надеюсь, что оно ни вам, ни сочинителю Записок о российской истории противно быть не может. Я тем охотнее его наставляю, что вижу действительную в нем способность. Мы из него, конечно, что-нибудь сделаем. В будущем „Собеседнике“ я также кой-что скажу и сочинителю „Былей и небылиц“; в этом я еще более примечаю замашки; а что такое замашка, я вам скажу, когда вы свой лексикон составлять будете» («Собеседник», 1783, ч. III, стр. 167).

⁵⁶ «Собеседник», 1783, ч. VII, стр. 164—177. Руководствуясь «Автобиографией», В. С. Иконников отметил принадлежность именно Сергею, а не Николаю Румянцеву названных статей в «Собеседнике» (см.: В. С. Иконников. Граф Н. П. Румянцев. — «Русская старина», 1888, сентябрь). Затем В. С. Иконников ввел статьи С. П. Румянцева в «Опыт русской историографии» (т. I, Киев, 1891, отд. I, гл. V, стр. 136—137 и прим. 6); на статью «Петр Великий», как статью С. П. Румянцева, указывал Н. В. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (т. 53, 1899, стр. 287). Позднее о С. П. Румянцеве как авторе статьи в «Собеседнике» писал А. Н. Пыпин в примечаниях к «Сочинениям» Екатерины II (Изд. Акад. наук, т. V, СПб., 1903, стр. 333), затем В. Ф. Солнцев (Екатерина II, Сочинения, т. III, изд. Е. Евдокимова, СПб., 1903, стр. XX—XXVII) и А. И. Введенский (Сочинения Екатерины II, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1903, стр. 14 и 15). Вышеуказанная статья П. Майкова о С. П. Румянцеве (Русский биографический словарь, том «Романова—Рясовский», стр. 575—591) послужила основой для характеристики, данной С. П. Румянцеву известным славистом проф. А. Мазоном: «Европейски образованный аристократ» и дипломат, Сергей Петрович был «по призванию писателем, поэтом и историком», участником журнала «Собеседник» (статья о Петре Великом) и членом пушкинского «Арамааса» (A. Mazon. Le Slovo d'Igor. — Revue des études slaves, 1944, vol. 21, fasc. 1—2, note 1). П. П. Пекарский, писавший о «Собеседнике» до печатания «Автобиографии» С. П. Румянцева в 1869 г., допустил невольную ошибку, считая автором статей в этом журнале Н. П. Румянцева (см.: П. П. Пе-

Каково же содержание статей, принадлежащих С. П. Румянцеву, и каков тон, в котором они написаны?

В первой статье,⁵⁷ обращенной к господину сочинителю «Записок о российской истории», т. е. непосредственно к Екатерине, автор, как он сам свидетельствует, «льстит императрице». Однако лесть его настолько насыщена иронией, что трудно отделить истинные похвалы от порицания. Отсюда своеобразный характер всей статьи.

Румянцев подвергает, например, в первую очередь сомнению самые способности сочинителя «Записок» написать русскую историю. «Неужто вы вздумали, — спрашивает он, — нам более сказать в тетратках своих, нестьли мы в летописцах начитаться можем! Неужто вы краснее предавать, или лучше судить деяния, нестьли правдивый Нестор или проницательный Никон, будете? Первая тетратка ваша по крайней мере не подает нам сей надежды» (III, 168).

Писатель выступает далее решительным противником высказываний Екатерины о происхождении русских. Найдя его «сухим и маловажным пояснением», автор статьи спрашивает: «Не могли вы разве славному народу, каков есть наш, чудеснее сего дать колыбели? Не так, сударь, право не так пишут историю» (III, 168).

По взгляду Екатерины, с Гостомыслом кончилось поколение славянских князей. «Его дочь Умила была в замужестве за финским королем, отродия варяжского, от сего супружества родился Рюрик со братьями». Ясно понимая, что автор «Записок» сторонник норманской теории, Румянцев пишет, иронизируя: «Ваши скифы и славяне мне право не нужны; что мне до того, как они живали; мне бы лучше про Гостомысла или про дочь его Умилу что-нибудь послушать хотелось» (III, 170). Помимо указанных несогласий, Румянцев отмечает в первой своей статье также незнание Екатериной русского языка. В этом отношении он вполне разделяет мнение того филолога, «своего приятеля», который, при-

карский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. Приложение к тому III Записок Академии наук № 6. СПб., 1863, стр. 33—34). Ту же ошибку повторил и Я. К. Грот в статье «Сотрудничество Екатерины II в „Собеседнике“ княгини Дашковой» (Сборник Русского исторического общества, т. 20, 1877, стр. 528) и в книге «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам» (СПб., 1880, стр. 333). В связи с этим является анахронизмом мнение К. В. Пигарева об авторстве Н. П. Румянцева, подтверждаемое им ссылкой на труд П. П. Пекарского (см.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 160). Ошибочна также попытка Г. П. Макогоненко приписать статьи С. П. Румянцева, помещенные в «Собеседнике любителей российского слова», Д. И. Фонвизину (см.: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 15, 268—276). В связи с неверной атрибуцией Г. П. Макогоненко неправильно истолковывает всю полемику по поводу этих статей. — В своих новейших работах Г. П. Макогоненко исправил эту ошибку. — *Прим. Ред.*

⁵⁷ «Собеседник», 1783, ч. III. Далее цитируется с указанием части и страниц в тексте в скобках.

крываясь псевдонимом Любослова, указал Екатерине на «нерадение ее к употреблению написаний е—о» («единачий» вместо «одинакий») и на неправильную постановку глагола «выполнить» вместо «исполнить».⁵⁸

Ирония, которой исполнена статья Румянцева, подчас переходит и в прямую издевку: «Я вам место в моей библиотеке, — обращается он непосредственно к сочинителю «Записок», — подле Тацита определяю; надеюсь, что и вас также скоро крысы почтут; им уже давно они у меня питаются» (III, 169). Нападки на императрицу-историка сочетаются в первой статье Румянцева с резкими высказываниями и против ее очерков «Были и небылицы», одновременно печатавшихся в «Собеседнике», начиная со второй части (II, 145—164). Как высший авторитет изобраила Екатерина в этом произведении некоего Дедушку, советов которого она во всем слушается. Пародируя этот способ высказывания своих мыслей с помощью диалога с воображаемым лицом, Румянцев пишет: «Дедушка мой мне все твердит, что здесь умничать не надо, но как кажется знать и не сообщать свои знания! Как писать и не читать никому своих писаний» (III, 171). Автор статьи признается в интересе к политическим темам, внушенным ему университетским преподаванием истории. «Мне кто-то сказывал, — пишет он Екатерине, — что и вы в сей части довольно упражняетесь. Люди, которые вас знают, утверждают, что вы весьма много уже и в свет таковых сочинений пустили, коих следствия чувствительны; конечно, Дедушка ваш моего отважнее или вы имеете на то способы, мне неизвестные: сообщите мне пожалуйста оные; если вы мне в том откажете, то увидите, как я вашу вторую тетрадку ценить буду; я вить не так пишу, как вы, мне лишние слова ничего не стоят, так меня больше, нежели вас, читать будут!» (III, 171).

Открытая насмешка звучит в заключительных строках статьи. «Эй, не будем ссориться! Мы, мне кажется, во многом полезны друг другу быть можем; уже и по этому письму судите, сколько я вам добра могу сделать. Простите, до будущего „Собеседника!“» (III, 172). Статья Румянцева была помещена в 3-й части «Собеседника» тогчас же за «Вопросами» Фонвизина (III, 161—166), в связи с чем императрице в четвертой части пришлось вступить в полемику сразу с двумя противниками, являющимися сотрудниками журнала. Резко оборвав Фонвизина, «Вопросы» которого, по мнению Екатерины, произошли от «свободоязычия», императрица посоветовала ему «образцовое послушание» (III, 166).

⁵⁸ Послание к господам издателям «Собеседника» от Любослова. — «Собеседник», 1783, ч. II, стр. 112. А. Н. Пыпин, не аргументируя своей мысли, полагает, что Любослов и автор, подписавшийся «Ни одной звезды го лбу не имеющий», т. е. С. П. Румянцев, — одно и то же лицо (Сочинения Екатерины II, т. V, изд. Акад. наук, стр. 333). — Псевдоним «Любослов» принадлежал П. С. Батурину (1740—1803). См. его автобиографию в «Голосе минувшего» (1918, № 4—6). — Прим. Ред.

Не прошла она также и мимо Румянцева. «Вы, сказывают, — писал тот позднее, — что-то в четвертой части <«Собеседника»> и про меня промолвили» (VII, 166—167).

И действительно, не ответив на замечания Румянцева, Екатерина дала ему следующую нелицеприятную характеристику, вложив ее в уста Дедушки из «Былей и небылиц»: «Терпеть я не могу... того, что писав по-русски, кто думал на иностранном языке, ибо читая по-русски мысли и обороты иностранного языка как русакам, кажется сунбур несносной. Сие мне привело на память, сказал Дедушка, косых красавиц, коих я и с молодости никогда не любил и которых по двойном взгляде я судил быть двуязычными» (IV, 172). Поняв нерасположение Екатерины, С. П. Румянцев, однако, не сдался и вскоре выступил на страницах того же журнала со второй большой статьей, помещенной в седьмой части «Собеседника» за 1783 г.

Напомним, что эта статья Румянцева состоит из двух частей: первая — «Письмо к господину сочинителю „Былей и небылиц“», подписанное «Ни одной звезды во лбу не имеющий» (VII, 164—168), вторая часть — «Отрывок предисловия к Истории Петра Великого» (VII, 169—177).

Обе части второй статьи Румянцева и по содержанию, и по способу полемики значительно отличаются от первой. Если в первой статье была, как указывал сам автор, некоторая доля «ласкательства», то во второй статье С. П. Румянцев открыто выступает против императрицы.

Правда, он делает вид, что считает сочинителя «Былей и небылиц» и сочинителя «Записок о российской истории» разными лицами. Припомнив поэтому Екатерине, автору «Былей и небылиц», грубую отповедь, полученную им в IV части «Собеседника», Румянцев жалуется ей же на автора «Записок о российской истории». «С вами все-таки, сударь, — пишет он, — еще переписываться можно. Вы по крайней мере на письма отвечаете; а как у вас есть товарищ г. сочинитель Записок о российской истории: так от того даже и о получении письма не дождешься отповеди. Но кто не имеет ~~своих~~ привычек! его уже никто беспокоить не будет. Всякий охотнее с вами знаться станет» (III, 164.)

Пользуясь, таким образом, методом полемики, ранее примененным Новиковым и Фонвизиным, Румянцев делает вид, что обращается к неизвестному ему автору «Былей и небылиц». Его не смущает, что этот автор «столько же легко управляет империею, как свободно по бумаге перушком своим водит» (III, 165).

Предметом особенных нападок Румянцева является в первую очередь господствующий в стране фаворитизм. Снова прибегая к сатирическому методу Новикова и Фонвизина, Румянцев предлагает императрице осветить ряд интересных вопросов: «Не можете ли вы что-нибудь на сие тщеславие человеческое из перушка своего выпустить? Не можете ли вы показать, как начиная от

самого нижнего человека до первейших особ всякой старается занять сколько может того пространства, которое от угла его до обширности света остается?». Сам он негодует на подобных людей: «Безрассудные! разве они Истории не читали, разве они не знают, что лексиконы великих людей становятся толще лексиконов язычных; как же они после того хотят, чтобы их отыскиали в той букве, в которой они себе толь знаменитое место определяют» (III, 166).

Намекая, что только Академия наук имеет право издавать адрес-календари, Румянцев пишет: «Мне бы хотелось издать адрес-календарь с примечаниями историко-философико-критическими. Сия книжка, мне кажется, будет бесполезна. Один из приятелей моих, который у меня к тому уже изготовленный календарь видел и нашел различные буквы к различным департаментам приставленные, инде Л., инде В., инде Н., инде П., сказал мне улыбаясь, что он читает уже все стопы бумаг из сих букв рождающиеся и предвещает мне читателей миллионами. Рассудите ж, какая из того Академии прибыль сделается» (III, 168).

Письмо заканчивается словами: «Сомневаюсь, чтоб и „Собеседник“, во все четыре части света рассылаемый, таковую ей принести мог. В протчем навсегда пребуду Ни одной звезды во лбу не имеющий» (III, 168).

Возможно, что перечисленные буквы адрес-календаря, предполагаемого Румянцевым к изданию (кроме Н), представляют список фаворитов Екатерины. Под В. подразумевается Васильчиков, под П. — очевидно, Потемкин, а под Л. — тогдашний, «любимец» А. Д. Ланской, бывший «в случае» с 1779 г. до самой своей смерти (28 июня 1784 г.).

Вслед за первой частью статьи, направленной против фаворитов императрицы, идет вторая часть, имеющая еще больший интерес. Она посвящена Петру Великому.

Недавнее открытие (8 августа 1782 г.) памятника Петру I, сооруженного Фальконэ, привлекло внимание к эпохе преобразований, заставило размышлять над событиями начала XVIII столетия. В придворных кругах, близких Екатерине, господствовало естественное желание всячески прославлять деятельность «великой матери россов». Дашкова испытывала, например, невыразимую досаду, когда «на счет императрицы до небес возносили Петра I». ⁵⁹ В стихах, помещенных в «Собеседнике», указывалось:

Что сделал для нас Петр, что сделала Она,
О том будут судить позднейши времена.

⁵⁹ П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II, стр. 31, прим. 2. Ср. также отзывы Дашковой о Петре I в ее «Записках». По ее мнению, Петра I «ошибочно сравнивали с этой гениальной женщиной (Екатериной II), стоявшей несравненно выше его» (Записки княгини Дашковой. СПб., 1907, стр. 161—163 и 267).

А наши бедные и слабые умы
Не могут и сказать, чем должны Ей все мы.⁶⁰

По-иному оценивали деятельность Петра передовые писатели той эпохи. Фонвизин устами своего любимого героя, Стародума, отдает дань уважения преобразователю. Отец Стародума «служил Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нынче многие не стоят одного. . . В тогдашнем веке придворные были воины, да и воины не были придворными» («Недоросль», 1782, д. III, явл. 1) Значение деятельности Петра привлекло внимание Радищева («Письмо к другу, жительствующему в Тобольске»; 1782). Однако, воспринимая преобразования с точки зрения государственной и с точки зрения пользы для народных масс, он правильно отметил в личности Петра, наряду с чертами великого преобразователя, также и черты деспота-самодержца. Как же преломился образ Петра в сознании Румянцева? Петр издавна привлекал к себе внимание писателя. Так, в его бумагах осталось начало поэмы о Петре Великом в классическом духе на французском языке. Цель автора — показать удивленной Европе величие деятельности русского царя. Кроме того, там же имеется подробно разработанный план «Петриды» в 12 песнях, на русском языке.⁶¹

В статье, помещенной в «Собеседнике», Румянцев пишет: «Лучший способ судить государя сего есть, конечно, сравнение прежнего состояния России с тем, в котором он ее оставил». В сорок лет царствования Петра мы «приобрели флот, порядочное войско, торговлю и, наконец, все то, что нас между почтеннейшими народами отличает» (III, 175). «Там, где прежде лодок почти не было, вооружаются <...> флоты; где все войско состояло в толпе презрительной, устрояются порядочные полки; грады украшаются, и в самых отдаленностях сносятся посредством возбужденного движения; враги все обезоруживаются; одним словом, земля, со всех сторон утесненная и несколько раз уже поработанная, познает силы свои и становится в невероятнейшее время посредницею Европы» (III, 171).

Разрабатывая петровскую тему в традиции передовых писателей XVIII в., начиная от Феофана Прокоповича, Кантемира и Ломоносова, Румянцев восхищается разносторонней деятельностью императора. Он славит в нем искусного полководца, мудрого пра-

⁶⁰ «Стихи, присланные из ** от неизвестного». — «Собеседник», 1783, ч. II (XII), стр. 102.

⁶¹ Начало поэмы о Петре I на французском языке имеется в третьем томе «Сочинений и бумаг» С. П. Румянцева (Государственный архив Рязанской области, инв. № 13372, л. 49). Там же имеется подробно разработанный план «Петриады» на русском языке. Два других списка русского плана «Петриады» имеются в первом томе «Сочинений и бумаг» С. П. Румянцева (Государственный архив Рязанской области, инв. № 13370, лл. 58—61 об. — с авторской правкой и лл. 72—76 об.).

вителя, строгого и неукоснительного исполнителя законов. Разительный пример требовательности Петра видит Румянцев в отношении царя к Меньшикову: «Всем известно, что ближайшие его любимцы и самые заслуженные, обличены будучи в законопреступлениях, были наказаны с тою же точностию, как и последний, подпавший под власть судейскую. Меньшиков, который почасту управлял империею, имел, однако ж, предстать пред нею с повинением, свидетельствующим действие законов; будучи обличен, не взирая на милость своего покровителя, он наказан был со строгостию, самим государем похваляемою. То время, в которое все сие творилось пред лицом народа, не возглашает ли справедливости и почтения государя к законам?» — спрашивает С. П. Румянцев (III, 175—176). Привлекательными кажутся ему и личные качества Петра: твердость нрава, обширность разума, трудолюбие, упорство и постоянство в «исследовании своих предприятий» (III, 172).

В силу этого Румянцев решительно отвергает нападки иностранных писателей, не постигнувших величия Петра, и назначает ему «между великими государями первое место» (III, 170).

Автор статьи искренен в своих суждениях: им не руководит ни «ласкательство», ни «пристрастие», так как, по его мнению, «везде духа Петра клеймо чувствительно» (III, 172). В то же самое время образ Петра представлен Румянцевым односторонне. Хотя он и не скрывает «строгости» императора, но оправдывает его «насильства» государственной необходимостью, «пользой намерений» и «желанием благополучия» (III, 172).

До высоты разностороннего анализа деятельности Петра, имеющегося у Радищева, Румянцев не в состоянии подняться. Значительно ближе по своим воззрениям автор статьи о «Петре Великом» к Фонвизину. Оба писателя — сторонники законности, противники вельмож-фаворитов, защитники достоинств человека. Оба с враждой, которая прорывается в их суждениях, относятся к режиму Екатерины II. Во всем отдавая предпочтение Петру, Румянцев попутно и как бы нехотя бросает несколько вежливых фраз в адрес императрицы. Однако в Екатерине он видит лишь «порождение Петрово». История предназначила ей «утвердить гражданское наше положение», так как тяжкая и долговременная война помешала ее великому предшественнику позаботиться об этой стороне государственной жизни (III, 175).

Политический смысл статьи С. П. Румянцева, нелестный для Екатерины, был понят ею и вызвал ее гнев. «Императрица, — писал позднее Румянцев, — была крайне недовольна».⁶²

Румянцев не предполагал, конечно, что вскоре после напечатания первой статьи его аноним был уже разгадан, а за спиной автора между Екатериной и Дашковой по поводу второй статьи

⁶² С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 850.

велась деятельная переписка. «Comme éditeur du „Собеседник“ recevant toutes les pièces tant bonnes que mauvaises, — писала Е. Р. Дашкова Екатерине, — je dois aussi, Madame, joindre ici une pièce qui, adressée à l'Auteur des „Были и небылицы“, m'est parvenue dans ce moment: on la dit être du comte Romantzoff, mais il m'en a fait un secret et je ne l'ai sçut que par briccole, je supplie votre majesté de me dire, si elle doit être imprimée».⁶³

На эти строки Екатерина ответила следующее: «Возвращаю вам письмо к автору „Былей и небылиц“, которое, конечно, может быть напечатано, но только не так — замечаете вы, чтобы названный автор («Былей и небылиц», — Л. К.) рассорился с Лебедем, поющим лебединую песнь. Мимоходом сказать, об имени этого автора я никогда не сомневалась. Посылаемый мною черновой листок должен иметь поэтому преимущество в журнале перед одою-исповедью друга Лебеда, в силу чего автор „Былей и небылиц“ может объявить, что тем кончаются все дальнейшие споры об этом предмете».⁶⁴

П. П. Пекарский, первый уделивший внимание этой переписке, считал, что смысл письма Екатерины Дашковой «остается непонятным».

Прежде всего следует обратить внимание, что в письме речь идет только о двух лицах — об авторе «Былей и небылиц», т. е. самой Екатерине, и Лебеде — Румянцеве. Никакого третьего лица «друга Лебеда» не существует. Появилось же оно благодаря неправильному переводу П. П. Пекарского. В английском тексте «Записок» Е. Р. Дашковой («Записки» впервые вышли в Лондоне) читаем: «Of my friend the Swan».⁶⁵ В немецком тексте, которым пользовался П. П. Пекарский, речь идет об оде «моего друга Лебеда» (meines Freundes des Schwans).⁶⁶ То же самое наглядно видно во французском переводе, где имеется следующий оборот: «Sur l'ode suprême de mon ami le Cygne»⁶⁷ т. е. опять-таки «моего друга Лебеда».

Следовательно, строка в переводе П. П. Пекарского «перед одою-исповедью друга лебеда» должна быть исправлена следующим образом: «перед одою-исповедью моего друга Лебеда», т. е. Румянцева, о котором Екатерина пишет в явно ироническом тоне. Из точного контекста письма Екатерины никак не явствует также,

⁶³ Перевод: «Являясь издателем „Собеседника“, получающим как хорошие, так и плохие статьи, я должна, сударыня, присоединить сюда статью, адресованную автору „Былей и небылиц“, которая только что получена мною. Говорят, что она написана графом Румянцевым, но он это от меня скрыл, и я узнала это лишь с помощью обмана; умоляю ваше величество сказать мне, надо ли печатать (эту статью)» (П. Пекарский. Материалы для истории журнальной деятельности Екатерины II, стр. 75).

⁶⁴ Memoiren der Fürstin Daschkoff, Teil I. Hamburg, 1857, стр. 337, 338; П. Пекарский, ук. соч., стр. 30, прим. 2.

⁶⁵ Memoirs of the Princess Daschkow, vol. II. London, 1840, стр. 99.

⁶⁶ Memoiren der Fürstin Daschkoff, Theil 1, стр. 337—338.

⁶⁷ Mémoires de la princesse Daschkoff, vol. III. Paris, 1859, стр. 133—134.

что «названный автор» — Румянцев, а Лебедь, поющий «лебединую песню», — автор «Записок касательно российской истории», который помещает заключительный раздел своей работы в той же части «Собеседника». Ошибочно думать, что выражение «лебединая песнь» должно быть отнесено к Екатерине: «Записки касательно российской истории» кончились вовсе не в VII, а в VIII части журнала. Полагаем ввиду этого, что правильное истолкование возможно только при условии, что «названный автор» — это Екатерина, а «Лебедь, поющий лебединую песню», — С. П. Румянцев.⁶⁸

Подобное название еще в 70-е годы присвоила С. П. Румянцеву французская писательница м-м Жанлис, автор сентиментальных и рыцарских романов. Позднее она посвятила ему повесть «Chevaliers du Cygne».⁶⁹ Таким образом, Лебедем Румянцев мог называться при дворе.

В своем ответе Дашковой Екатерина подчеркнула, следовательно, что она («названный автор») не хотела бы рассориться с «Лебедем», т. е. С. П. Румянцевым. Вместе с этим, посылая Дашковой черновик своих возражений, императрица дала твердое указание: ее точка зрения должна иметь преимущества перед точкой зрения Румянцева. Статья последнего была воспринята Екатериной, как «ода» в честь Петра и одновременно как «исповедь», т. е. изложение политических воззрений автора. Враждебно восприняв взгляды Румянцева, императрица самым названием статьи «лебединой песней» предрекавала Дашковой решение. И действительно, в «Собеседнике» не появилось в дальнейшем ни строки С. П. Румянцева, в то время как одна за другой следовали статьи, направленные против него.

Несогласие редакции с Румянцевым заметно даже в тексте его статьи, где были сделаны примечания якобы от имени «академического наборщика», из которых наиболее интересно второе, относящееся к словам Румянцева: Екатерине «оставалось утвердить гражданское наше положение» (VII, 175). Примечание академического наборщика гласит: «О сем ни единый человек, имеющий чувства неповрежденные, не может усумниться; бесмертные деяния Екатерины то ясно доказывают». Между тем бросается в глаза, что сноска поставлена в конце придаточного

⁶⁸ Редакция не разделяет точки зрения автора статьи по данному вопросу. Когда Екатерина писала о «лебединой песне», она могла полагать, что «Записки» будут завершены печатанием в VI книжке «Собеседника». Если «названный автор» — Екатерина, тогда непонятны слова в ее письме к Дашковой: «Об имени этого автора я никогда не сомневалась». — *Прим. Ред.*

⁶⁹ С. П. Румянцев познакомился с м-м Жанлис в 18-летнем возрасте во время поездки в Венецию с Гриммом. Французская романистка отметила, что беседа с ним приятнее, чем с кем бы то ни было (*Mémoires inédits de Madame la comtesse de Genlis*, vol. III., Paris, 1825, стр. 199, 200—201, 203; ср. также: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. — Сб. «Вольтер», Л., 1947, стр. 55, прим. 1.

предложения и не опровергает основную мысль автора статьи, писавшего: «Да ежели и оставалось премудрости Екатерины утвердить гражданское наше положение, то мы не можем не усмотреть из намерений сего государя <Петра I>, что одна тяжкая и долговременная война, его лишь в том попечения нас лишила» (VII, 175).

Наметив, таким образом, один из основных пунктов расхождения с Румянцевым, редакция «Собеседника» предоставила слово Екатерине. Этот «Ответ на письмо к сочинителю „Былей и небылиц“», помещенный следом за статьей Румянцева (VII, 177—181) — яркий образец нетерпимости и резкости, которую допускала самодержавная правительница в полемике со своими подданными.

«Государь мой! — писала Екатерина. — Нам, безграмотным, на всякие письма отвечать нетрудно; понеже на то не более надобно, как только чтоб чернила с пера текли. Головоломных мыслей у нас не спрашивается, как то вам, государю моему, и всем читателям „Былей и небылиц“ известно. Каково примете мой ответ, я не знаю; но то сущая истинна, что жалобы на сочинителя Записок касательно российской истории не у нас принимаются. Между нами сказагь, буде необходимо нужда ваша того требует, советую вам оныя вносить в совестной суд: тут разбирательно быть может, коей причины ради, как, что, когда, где, кем и кому из вас обида учинена» (VII, 178). Указав как писательница, что она не желает принимать никаких критических замечаний по поводу своих исторических трудов, Екатерина как правительница подчеркнула, что ничего в угодность Румянцеву не переменится: «крылошки скорее обליняют» (VII, 180).

Повторяя высказанное еще в полемике с Новиковым убеждение, что сатирик должен «веселиться, не изливая ни малейшей желчи ниже на пороки людские и не обижая никого изысканием недостатков в ближнем» (VII, 79), Екатерина приказывает Румянцеву «жить в свете как определено», что особо подчеркнуто новым курсивом (VII, 180).

Насмехаясь над молодостью автора, над его ученостью, императрица укоряет его в тщеславии, в желании прославиться. «Сей запах человечества, — пишет она, — меня не более удивляет, как и требования ваши внести в „Были и небылицы“ приложенное вами предисловие к Истории, хотя то многим несообразно казаться будет» (VII, 180).

Уязвленная намеком Румянцева, что «он не любит и самой премудрости, когда она за премудрость выдается» (Екатерину до приезда в Россию звали София — премудрость), императрица пишет: «Были и небылицы могут странны казаться; но из того не воспоследует еще, с позволения вашего сказать, вами усмотренные способности Пекаря оных. Вы сказываете, что не любите самую премудрость; для чего же ищите ее тут, где ее не бывало, и

видите, где ее нет?» (VII, 178). Не оставляет императрица без ответа также проекта составления Румянцевым адрес-календаря фаворитов: «При упражнениях ваших в сочинении адрес-календаря со примечаниями историко-философико-критическими, которой, по вашим слова, не бесполезен будет, я надеюсь, что вы не забудете претительности вашей к премудрости (курсив «Собеседника», — Л. К.). Я быв совершенно без оной, лигер, употребленных вами в сем случае, не разобрал; следовательно, и улыбки моей лишаетесь, что чрез сие вам и объявляю» (VII, 180—181).

Недовольная статьей Румянцева, Екатерина приказала Дашковой сделать «сего сочинения пересмотр строгий и ему <Румянцеву> чрез журнал объявить».⁷⁰ В ответ на это Дашкова писала: «J'ai l'honneur d'envoyer à votre majesté l'analyse de l'ouvrage sur Pierre le Grand, qui accompagnaît la lettre à l'auteur des „Были и небылицы“... Mais je la supplie de voir s'il n'y a pas quelque chose à changer ou ajouter, j'attendrais là-dessus les ordres de votre majesté. Cette pièce sera insérée dans le 8-me volume qui commencera à être imprimé demain».⁷¹

И действительно, в восьмой части «Собеседника» появилось «Прошение к господам издателям», по всей вероятности написанное Е. Р. Дашковой (VIII, 26—33) и подписанное «Всегдашний Собеседника читатель». Автор этой статьи повторил все уже сказанное от лица Дедушки в «Былях и небылицах». Он укорял Румянцева в «незнании русского языка», «русской грамоты», «грамматики», в таких ошибках, как употребление «про», винительного падежа после «не» вместо родительного и прочее (VIII, 32). Затем автор статьи останавливается на тех же самых вопросах, которые записаны Екатериной, по-видимому внимательно читавшей статью Румянцева о Петре Великом: «1) Всякому смертному даны ли качества, нужные для разбирательства дел великих людей? 2) случаи бегают ли за людьми? или 3) люди причину случаем?».⁷²

Последний вопрос Екатерины вызван следующим рассуждением Румянцева, открывающим его статью о Петре Великом: «Разбирая, что делает обыкновенно славу великих людей, мы почти всегда при способностях отменного рода находим сильные вспомоществования случаев» (VII, 169).

Но как образец человека, которому «слава единому принадлежит», Румянецев приводит Петра.

⁷⁰ С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 850.

⁷¹ Перевод: «Имею честь препроводить вашему величеству разбор статьи о Петре Великом, присланный при письме к автору „Былей и небылиц“... Я умоляю вас просмотреть, не придется ли переменить или прибавить что-нибудь. Это сочинение будет напечатано в 8 книжке, к печатанию которой приступят завтра» (П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1869, Приложения, XIV, стр. 77 и текст, стр. 31).

⁷² Сочинения Екатерины II, т. V, изд. Акад. наук, СПб., 1903, стр. 336.

Высказывания Румянцева навели Екатерину, как видно из ее вопросов, на размышления о собственной судьбе. Завладев российским престолом, Екатерина, конечно, была убеждена, что не случай руководил ею, а она была причиной этого «случая». Кроме того, императрица ставила под сомнение возможность «всякому смертному иметь качества, нужные для разбирательства дел великих людей».

Руководствуясь этим положением, автор «Прошения к господам издателям Собеседника» не советовал сочинителю статьи «Петр Великий» «сочинять истории великих государей, а паче с рассуждениями о их свойствах» (VIII, 30): «Я обще со всеми почитателями сего великого государя сожалею, что бессмертные дела его описываются пером, могущим скорее помрачить, нежели достойным образом восхвалить оные» (VIII, 32). Неприемлемо для критика также убеждение Румянцева, что «на свете сотворено столько странного, смешного, несообразного», так как подобные мнения подрывают веру в «милосердие божие» (VIII, 30—31).

Однако наиболее серьезными из всех нападок являются те, которые касаются общественных взглядов Румянцева.

Последний не изложил их подробно, но, начав свою статью «Петр Великий» рассуждением о значении случаев, писал: «Сие-то и заставило сказать с некоторою справедливостию, что нередко за плугами и секирами погибают, может быть, дарования небесные» (VII, 169).

Следовательно, Румянцеву не были чужды мысли о несправедливости сословных привилегий, препятствующих простым людям раскрыть свои таланты. Эта, на первый взгляд, мельком оброненная мысль об естественном равенстве людей является основой мировоззрения Румянцева и сопутствует ему на всем дальнейшем жизненном пути, побуждая его впоследствии ратовать за освобождение крестьян. Смелым является и дальнейший вопрос в статье «Петр Великий» об участи Кесаря, «если б судьба мятежную главу его смиренною квакерскою шляпою прикрыла» (VII, 169). По этому поводу Дашкова с негодованием восклицает: «Как это сочинитель осмелился прикрывать венчанную главу квакорскою шляпою?» (VIII, 28). Негодование Дашковой станет понятным, если принять во внимание, что статья Румянцева «Петр Великий» появилась как раз той самой осенью, когда многолетняя борьба Америки за независимость завершилась победою Соединенных Штатов (3 сентября 1783 г.). Известно также, что большое участие в происходившей войне принимали квакеры, которые, поступившись своими убеждениями, отстаивали свободу с оружием в руках, образовав общину «свободных и воинственных друзей».

Нет сомнения, что не только Дашкова, но и Екатерина почувствовала в Румянцеве идейного противника. Вряд ли могла она простить защитнику идей естественного равенства восхваление независимых квакеров, не снимавших из чувства собственного до-

стоинства ни перед кем шляпы. «Прошение» Дашковой, выражавшей взгляды императрицы, — «не отягощать публику такими сочинениями», — естественно.

Вслед за первой статьей против С. П. Румянцева последовала вторая все той же Е. Р. Дашковой. «Je joins aussi, — пишет она императрице, — une petite pièce que je veux insérer dans le 9-me volume si votre majesté la trouve passable. Je me suis servie du manteau de Разнощик pour que l'on ne reconnait point mon style et je desirerais que l'on n'en sait rien jusqu'à ce que le volume paraisse».⁷³

Написанная Дашковой статья действительно была опубликована в ч. IX «Собеседника» под псевдонимом «Рыжий Фролка» (IX, 7—16). Статья начинается следующим обращением: «Не удивляйтесь, государи мои, что мужик, разнощик, осмелился писать к вам». Далее помещены «Краткие записки разнощика», который якобы подслушал в одном обществе разговор о статьях писателя «Ни одной звезды во лбу не имеющего» (IX, 10—16).⁷⁴

Статья Дашковой мало оригинальна. В основном в ней снова повторены прежние упреки Екатерины. Снова, выхватывая отдельные фразы из статьи Румянцева, Дашкова старается доказать, что в них нет смысла.

В заключении своей статьи Дашкова, между прочим, намекает, что автор работы «Петр Великий» не простой человек, а граф (IX 14 и 15).

После некоторого промежутка, когда редакция «Собеседника» оставляет Румянцева в покое, в XIII части «Собеседника» за 1784 г. ему посвящен значительный раздел обширной статьи «Моя записная книжка» (IX, 31—41). В заключении статьи сделано следующее примечание: «Сие прислано от неизвестного сочинителя, обещающего прислать и продолжение, которое по получении впрдъ и будет напечатано» (XIII, 41).

В этой статье рассказана биография С. П. Румянцева, изложены его воззрения, дана неслестная характеристика его личности. По взгляду критика, перед нами — «ученый мизантроп» («человеконенавидец»). Он — сын богатого дворянина, слушал курс наук в Лейдене, путешествовал по Италии, Франции, какой-то срок прожил в Лондоне (XIII, 32). Всю свою жизнь он страдал от «чувствительности», которая заставляла «вооружаться на весь человеческий род» (XIII, 33). По возвращении на родину «расположение нрава» не позволило человеку этому «сделать щастие

⁷³ Перевод: «Препровождаю небольшую статейку, которую хочу поместить в 9-й книжке, если ваше величество найдет ее удовлетворительной. Я прикрылась именем Разнощика для того, чтобы не узнали моего слога. Хотела бы также, чтобы ничего не было известно до тех пор, пока не выйдет книжка (П. Пемарский, ук. соч., Приложения, XIX, стр. 79—80, и текст, стр. 32).

⁷⁴ Г. П. Макогоненко неправильно приписал «Краткие записки Разнощика» и псевдоним «Рыжий Фролка» Екатерине II (см.: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 272, прим. 3).

свое службою», и теперь живет в отставке «весьма уединенно» (XIII, 33).

Мизантроп никак не может примириться с действительностью: вместо добродетели он видит только «тень ее», по его взгляду, в жизни искореняют честность, основанную на «естественной справедливости» (XIII, 35).

Большая часть человеческого рода — чудовища, женщины развратны. Нет ни одной добродетели, которой люди высшего круга не пожертвовали, дабы снискать то, что они называют счастьем на свете. Вельможа, «украшенный титлами и чинами, более ни о чем не помышляет, как сохранить только ту пышность и великолепие, которые его окружают и удовольствовать свои, какими бы средствами то ни было» (XIII, 37—38). Подчиненные губят свое время в передних этих вельмож, добываясь их расположения «путем ласкательства и низости». Богатство и чины являются первым предметом их желаний; везде господствует «хладное пустословие» (XIII, 38). Люди с талантами редки и не находят истинного признания. Воспитание молодежи неразумно, ей прививают одно тщеславие, отдаляют от всего родного, «училища суть училища лжи». Считая речи молодого мизантропа «язвительной хулой», его противник, не имея возможности разбить эти аргументы, попросту заявляет, что подобные «рассуждения не весьма забавны» и «справедливы» (XIII, 40).

Нельзя отказать антагонисту Румянцева в правдивой передаче основных черт психологического портрета последнего. Перед нами во весь рост выступает один из ранних «чувствительников», печаль и скорбь которых вызывалась требовательным отношением к жизни, и нежеланием мириться с общественными недостатками.

Ответы Екатерины С. П. Румянцеву, а затем ряд статей, осуждающих его взгляды, принудили его прекратить печатание своих произведений в журнале: правительственная группа «Собеседника», заставившая смолкнуть Фонвизина, торжествовала теперь победу над Румянцевым.

Есть все основания полагать, что помещенная в XV части журнала «Епитафия Мудрецу нынешнего века, доказавшему новейшими своими опытами суету сего мира», в силу сходства с предшествующей характеристикой Румянцева, относится к нему:

Лежит здесь мудрый муж, что в карты век играл,

Стихи писал

И спал.

А сею жизньию потомственному взору

Картину начертал собой живую он,

Что щастья твердого, что разума без вздору

И наслажденья без сует,

В сем мире нет;

Но вся людская жизнь — игра, мечта и сон.⁷⁵

В этом стихотворении Румянцева-поэта уязвляют излишней

⁷⁵ «Собеседник», 1784, ч. XV, стр. 34.

чувствительностью, а для полноты портрета добавлена одна из характерных черт в поведении Румянцева-человека: «С. П. Румянцев, — писал П. А. Вяземский, — блестящий вельможа времен Екатерины... был до глубокой старости подвержен картам, которым предавался, так сказать, запоем. Он запирался иногда дома на несколько дней с игроками, проигрывал им баснословные суммы и переставал играть до нового запоя».⁷⁶

Литературная деятельность Румянцева была таким образом прервана. «Некстати напечатанным и неважным сочиненьцем <Румянцев> себя уронил по крайней мере надолго. Сильнейшими доказательстами и самыми дружескими советами не мог я отвести его от сих, во вред ему обратившихся начатков. Сам ты знаешь его нрав», — писал П. В. Завадовский С. Р. Воронцову 6 февраля 1784 г.⁷⁷

Позднее, возвращаясь к судьбе своих произведений в «Собеседнике», сам Румянцев усматривал причину недовольства Екатерины его произведением в косвенных нападках на всесильного Потемкина. По крайней мере в черновых набросках своей «Автобиографии» Румянцев признается, что во второй статье, в которой помещен отрывок о Петре I, он косвенным образом напал на князя Потемкина.⁷⁸ В действительности же гнев Екатерины, как мы показали, вызван целым комплексом причин как общеполитического, так и личного порядка. В С. П. Румянцеве, как и Фонвизине, императрица несомненно видела своего идейного врага.

IV

В дальнейшем, с 1785 по 1788 г., С. П. Румянцев работал на дипломатическом поприще: он был посланником в Пруссии. Несколько лет С. П. Румянцев так же, как и отец его П. А. Румянцев-Задунайский; был не у дел, живя в своих деревнях. Потемкин, пользуясь своей близостью к императрице, добился окончательного устранения П. А. Румянцева, которому Екатерина поручила главное начальство над войсками на границах Польши и Турции только в апреле 1794 г., «Сын Румянцева, Сергей, к отцу поехал: весьма и во многом на него походит», — сообщал в сентябре 1791 г. П. В. Завадовский С. Р. Воронцову.⁷⁹ Не улучшилось положение С. П. Румянцева при новом фаворите императрицы — Зубове.

⁷⁶ П. А. Вяземский. Старая записная книжка. — Полное собрание сочинений, т. VIII, СПб., 1883, стр. 96.

⁷⁷ Архив князя Воронцова, кн. XII, М., 1877, стр. 28—29. Официальная версия, что Екатерина осуждала статью Румянцева за ее плохой слог, надолго утвердилась в обществе (см. письмо П. Д. Цицианова В. Н. Зиновьеву 30 июня 1786 г. — «Русский архив», 1872, № 11, стр. 2139—2140).

⁷⁸ «Je frappais indirectement sur le p-ce Potemkine» («Я косвенно затрагивал князя Потемкина»). — Бумаги гр. С. П. Румянцева. Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, Собр. Щук., р. 50, Г-4).

⁷⁹ «С. П. не пользовался расположением отца за то, что служил не довольно усердно. Завадовский заступался за сыновей» (см.: А. Г. Брикнер

Тщетно пытался С. П. Румянцев «получить назначение в чужие края».⁸⁰ И, хотя Екатерина делала вид, что относится к нему благосклонно, но «Зубов терпеть Румянцева не может с тех пор, как императрица его отметила и охотнее беседует с ним, чем с другими».⁸¹

9 июня 1793 г. Румянцев был награжден орденом Белого Орла, который передал ему Зубов. С. П. Румянцев оставался верен себе, сказав, что «украшения не входят по образу мыслей в предмет его честолюбия и что если бы он не мог явиться неблагодарным, то бы принял смелость от вручаемого ему отказаться». На это Зубов ответил, что «дает орден сей государыня и имеет в том виды, относящиеся к его в Швеции употреблению».⁸²

Через несколько дней (20 июня 1793 г.) Румянцев был назначен чрезвычайным послом при шведском дворе. «В Швеции очень довольны графом Сергеем, и регент уже несколько раз писал сюда, выражая благодарность за то, что его назначили к ним. Я очень рад этому», — сообщал Ф. В. Раstopчин.⁸³ О достоинствах и недостатках Румянцева П. В. Завадовский высказался так: «Ум пылкий, нрав приятный, сердце наилучшее, но со всем тем долго молод». Но и пребывание в Швеции было осложнено подозрениями принца Рейтергольма, окружавшего его строгим надзором и обвинявшего в интригах. Румянцеву пришлось покинуть пост. «Сергей Румянцев, — сообщал 8/19 декабря 1795 г. Раstopчин С. Р. Воронцову, — отозван вследствие дворских неприятностей. Со времени возвращения из Стокгольма он не показывается и явился ко двору лишь через восемь месяцев. Императрица рассердилась и велела сказать ему через князя Барятинского, чтобы он больше не являлся в малое общество».⁸⁴ Сообщив затем о тяжелой болезни Румянцева,⁸⁵ Раstopчин следующим образом характеризует его: «Он одарен редким умом и возвышенною душою».⁸⁶

Биография кн. Потемкина. — «Вестник Общества ревнителей истории», вып. I, 1914, стр. 21. Сведения о нерасположении П. А. Румянцева к сыновьям пропикли и в иностранную прессу (см.: Larousse. Grande Encyclopédie, t. 13, стр. 1339).

⁸⁰ Ф. В. Раstopчин — С. Р. Воронцову 28 сентября 1792 г. — «Русский архив», 1886, т. I, стр. 96.

⁸¹ Ф. В. Раstopчин — С. Р. Воронцову 6/17 октября 1793 г. — Там же, стр. 109.

⁸² С. П. Румянцев — П. А. Румянцеву. — «Русский архив», 1869, стр. 862.

⁸³ Ф. В. Раstopчин. О состоянии России в конце екатерининского царствования. — «Русский архив», 1878, т. I, стр. 298.

⁸⁴ Архив князя Воронцова, т. XII, М., 1877, стр. 134.

⁸⁵ Ф. В. Раstopчин — С. Р. Воронцову 12 декабря 1795 г. — «Русский архив», 1876, т. I, стр. 217.

⁸⁶ 26 сентября 1795 г. С. Румянцев писал отцу, прося его «о милостивом к себе отношении»: «Состояние мое таковое, что не токмо к службе, но едва к общежитию делаюсь способным» (Письма к П. А. Румянцеву. — «Русский архив», 1869, стр. 866).

Интересный образ Румянцева как раз в эти годы его дипломатической службы запечатлел фон Герц, прусский посланник при дворе Екатерины II: граф Сергей Румянцев, пишет он, «умен, талантлив, оригинален, оживлен, весел, остроумен, с большой самоуверенностью, очень самолюбив, капризен, очень чувствителен, обладает большей национальной гордостью, чем все другие русские, находя еще удовольствие защищать парадоксальные положения, даже когда и признает их таковыми».⁸⁷

В самом конце царствования Екатерины С. П. Румянцев был назначен членом Коллегии иностранных дел (с 14 ноября 1796 г.), затем сенатором, а в июне 1800 г. Павел окончательно отставил его от службы.

В период, относящийся к дипломатической деятельности, С. П. Румянцев поместил в журнале «Растущий виноград» за 1786 г. под псевдонимом Правдубаева статью «Домовая записка о заразе новомодной ереси и о средствах, исцеляющих от оной», направленную против масонов, к которым он всегда относился отрицательно.⁸⁸

В бытность послом в Берлине Румянцев сочинял также проverbs, которые исполнялись на домашнем театре его гражданской жены, Натальи Николаевны Нелединской. В трех томах «Сочинений графа Сергея Петровича Румянцева», сохранившихся в Рязани, имеется немало подобных провербов — пословиц, типичных произведений салонного аристократического театра, не представляющих собою интереса; все они написаны на французском языке.⁸⁹

С. П. Румянцев не утратил интереса к литературе и к науке в последующие годы.

П. А. Вяземский охарактеризовал Румянцева, как «человека отменного ума, большой образованности». Подобно своему брату Н. П. Румянцеву, сумевшему организовать собрание и изучение материалов по истории, археологии, древней литературе, С. П. Румянцев, как пишет тот же Вяземский, «был любознателен по всем отраслям науки».⁹⁰ Вращаясь в кругу литераторов и историков (Карамзина, Востокова, Тимковского, Строева, Мерзлякова, Малиновского, Калайдовича), С. П. Румянцев поражал особенными сведениями в истории русской⁹¹ и в древней русской литературе.

Для С. П. Румянцева характерно также осторожное отношение к памятникам древности, ко всевозможным подделкам, в изобилии появившимся в начале XIX в.

⁸⁷ «Вестник Общества ревнителей истории», Пгр., 1914, вып. I, стр. 21.

⁸⁸ «Растущий виноград», 1786, июль; см.: С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 853—854 и прим. 18.

⁸⁹ «Le Bavard Etourdi»; «Mylady Hurluberlu», «Le Gangaride»; «La Princesse d'Elfz» и др.

⁹⁰ П. А. Вяземский. Старая записная книжка, стр. 96.

⁹¹ К. Ф. Калайдович. Записки. — «Летописи русской литературы и древности», М., 1861, т. III, отд. II, стр. 81.

«Так, например, Бардин подделал „Русскую правду“, „Поучение Мономаха, древнюю летопись, Сказание о Печерской церкви и „Слово о Полку Игореве“. Один экземпляр подделки „Слова о полку Игореве“ был предложен Мусину-Пушкину, а второй — Малиновскому, у которых они не вызвали сомнения. Иное дело, — пишет исследователь этих подделок, проф. М. Н. Сперанский, — такие люди, как братья Румянцевы, Карамзин или другие ученые: обладая солидным по тому времени образованием, будучи знакомы с требованиями настоящей науки, иногда сами работая научно, такие люди часто не лишены были скептической осторожности (каков был, например, С. П. Румянцев)».⁹²

Отличаясь, по словам современника, «умом необыкновенно беглым и острым, счастливой памятью и разнообразнейшими сведениями»,⁹³ С. П. Румянцев так же, как и его брат Николай Петрович, тяготел по своим литературным вкусам к обществу «Арзамас»,⁹⁴ Сергей Петрович был убежденным противником «славянизмов», так он называл пристрастие Шишкова и «шишковистов» к архаизмам: употребление таких слов, как «зеницы», вместо «глаза», «ланиты» вместо «щеки» и т. д.

Среди бумаг С. П. Румянцева сохранились, между прочим, его «Примечания на Российскую грамматику, изданную Главным управлением училищ для преподавания в низших учебных заведениях» (1833), написанную А. Х. Востоковым, и ответы последнего на эти «Примечания».

Бросается в глаза прежде всего серьезность, с которой составитель «Русской грамматики» отвечал своему критику по таким специальным вопросам, как член, произношение слов, особенности склонений, теория русских глаголов и т. п. Общий интерес представляет также вопрос орфографический — предложение С. П. Румянцева выкинуть из алфавита «ъ» и «ѣ». В ответ на это предложение более осторожный А. Х. Востоков писал: «О бесполезности в нынешнем буквы ъ и также как и ѣ всякой знающий конечно уверен, но обыкновенные есть тиран, которого никто не решается свергнуть, разве только будет общий против него заговор».

В свою очередь С. П. Румянцев, не соглашаясь с А. Х. Востоковым, радовался, что ни один из них «не принимает грамматику за именные указы, следственно, могут продолжать они свое рассмотрение, не опасаясь впасть в оскорбление величества».⁹⁵

⁹² М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX столетия (Бардин и Сулакадзев). — «Проблемы источниковедения», сб. V, 1956, стр. 57.

⁹³ П. Лубяновский. Воспоминания. — «Русский архив», 1872, т. I, стр. 466.

⁹⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Под ред. Я. Грота, СПб., 1866, стр. 93.

⁹⁵ С. П. Румянцев. Примечания на Российскую грамматику, изданную Главным управлением училищ для преподавания в низших учебных заведениях. ГБА, Р. а. 17/11, стр. 64. О лингвистических занятиях С. П. Румянцева см.

Относясь с глубоким уважением к трудам А. Х. Востокова, С. П. Румянцев убеждал его продолжать работу над русской грамматикой, «так как никто лучше не может быть нам, — полагал он, — в этом деле наставником».⁹⁶

Впоследствии, когда собранные Н. П. Румянцевым книги, материалы по истории русской культуры и рукописи (описание их было выполнено А. Х. Востоковым и К. Ф. Калайдовичем)⁹⁷ стали доступны для общего пользования под названием Румянцева-Востокова музея, Сергей Петрович сделал Востокова его главным хранителем.⁹⁸

V

В первые десятилетия XIX в. С. П. Румянцев продолжал писательскую деятельность как публицист, баснописец и поэт.

В 1802 г. С. П. Румянцев написал, как видно из авторской пометы на полях, публицистический диалог под заглавием «Разговор, бывший в Торгау 1711 году. Петр Великий, Меньшиков, Лейбниц».⁹⁹

От 1814—1818 гг. в бумагах С. П. Румянцева сохранилась обширная басня о баснописце Эзопе по-французски. Он перевел ее затем в сокращении на русский язык («Эзоп») и написал еще 14 басен по-русски («Китайский историограф», «Старуха», «Вельможа и боров», «Развратившиеся вороны», «Поп и мертвец», «Комета», «Мошка, попавшая в паутину», «Истинная совесть», «Лисица, прикащик и собака», «Полевая мышь», «Юстиниан и червь», «Филин и сорока», «Уединившийся слон», «Орел и змий».¹⁰⁰

в «Записках» Калайдовича («Летописи русской литературы и древностей» Н. С. Тихонравова, т. III, 1861, Отд. II, стр. 81—82) и у С. К. Булича (Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904 стр. 1080—1081, прим. 3).

⁹⁶ Ср.: В. В. Виноградов. Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языка. — «Известия АН СССР ОЛЯ», X, вып. 2, 1951.

⁹⁷ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцева-Востокова музея. СПб., 1842. Ср.: И. Серезневский. Обзорные научные труды А. Х. Востокова. СПб., 1865, стр. 25.

⁹⁸ Там же, стр. 24.

⁹⁹ Несколько списков этого произведения находятся в «Сочинениях и бумагах» С. П. Румянцева, т. I, Государственный архив Рязанской области, инв. № 13370, лл. 2—11 об. с авторской правкой, 15—22 (на л. 15 на поле слева вдоль текста рукой С. П. Румянцева: «Сочинено в 1802 году»), 23—28, 37—40 об., 110—116 об. Писарская копия этого произведения имеется также в архиве Румянцевых в Отделе рукописей ГБЛ. К. А. Майкова в обзоре архива Румянцевых неверно отнесла его к 1783 г., приняв этот диалог за статью С. П. Румянцева о Петре I из ч. VII «Собеседника» за 1783 г., о которой речь шла выше (К. А. Майкова. Архив Румянцевых. — ГБЛ, Записки Отдела рукописей, вып. XIV, М., 1952, стр. 16). Текст диалога без указания имени автора был издан в Берлине в 1861 г. отдельной брошюрой в 20 стр. Это издание учтено в книге Е. Шмурло: Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I (XVIII век). СПб., 1912, Примечания, стр. 93.

¹⁰⁰ Писарские копии французского текста басни «Esop» и 15 русских басен с предшествующим им посланием С. П. Румянцева И. И. Дмитриеву находятся

Из всех них были известны четыре строки лишь из одной басни «Китайский историограф». ¹⁰¹

К тому же времени, судя по содержанию и месту их в рукописи, относятся стихотворения С. П. Румянцева «Хлоя», «Стансы», «Песня» и некоторые другие. ¹⁰²

Необходимо ответить на вопрос: что нового дают перечисленные произведения для характеристики С. П. Румянцева как публициста и писателя?

Остановимся сначала на диалоге, в основе которого (как полагал его неизвестный нам по имени издатель в 1861 г. и согласился в 1912 г. Е. Шмурло) лежат какие-то сведения о встречах Петра I с Лейбницем в Торгау между 24—30 октября 1711 г. ¹⁰³

Вполне возможно, что, кроме преданий и воспоминаний о встрече 1711 г., С. П. Румянцеву, занимавшему видные дипломатические посты, стали известны какие-то документы об отношениях Петра I и Лейбница, например указ от 1 ноября 1712 г. за подписями Петра I и Головкина, где прием Лейбница «в русскую службу» объяснялся так: «... понеже мы известны, что он (Лейбниц, — Л. К.) ко умножению математических и иных искусств и произыскыванию исторей и к приращению наук много вспомоши может, его ко имеющему нашему намерению, чтоб науки и искусства в нашем государстве в вящей цвет произошли, рещили употребить». ¹⁰⁴

С. П. Румянцеву могли быть также известны многочисленные восхищенные отзывы Лейбница о Петре I после неоднократных личных встреч в 1711, 1712, 1716 гг. ¹⁰⁵

в том же первом томе «Сочинений и бумаг» С. П. Румянцева (лл. 80—85 — «Еворе»; л. 87 — послание И. И. Дмитриеву и лл. 88—98 — русские басни).

¹⁰¹ Письма Н. М. Карамзина к графу С. П. Румянцеву (1825). — «Русский архив», 1869, стр. 598, прим. 6. Подлинники хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Отчет Публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878, стр. 173).

¹⁰² Перечисленные стихотворения С. П. Румянцева входят в состав того же первого тома «Сочинений и бумаг С. П. Румянцева» (лл. 98 об. — 101).

¹⁰³ Вопросу об отношениях Петра I и Лейбница (в частности — о встречах их в Торгау в 1711 г.) посвящена обширная литература. Новейшую сводку ее см. в книге: *Liselotte Richter. Leibnitz und sein Russlandbild*. Berlin, 1946 (о встречах Лейбница с Петром I в 1711—1716 гг. см. стр. 48—53). До сих пор не потеряла значения книга: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье, СПб., 1873 (далее сокращенно: Сборник). В ней опубликованы некоторые бумаги Лейбница, сохранившиеся только в русских архивах. Сравни мнение Е. Шмурло о реальной основе диалога: «Издатель основательно предполагает, что темою „разговора“ послужили предания и еще живые воспоминания о свидании, действительно происходившем в 1711 году в Торгау» (Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, Примечания, стр. 93).

¹⁰⁴ Сборник, № 147, стр. 270.

¹⁰⁵ Ср., например, письма Лейбница: 1) Бернулли, 26 июня 1716 г.: «... quanto magis hujus principis (Петра I, — Л. К.) indolem perspicio, tanto eam magis admiror» («... чем больше я наблюдаю дарования этого монарха, тем более сему удивляюсь»); 2) Бурге (Bourguet) 2 июля 1716 г. «Je ne saurois assez

Обратившись снова к теме Петра I, С. П. Румянцев по-новому разработал ее в жанре диалога («разговора»), популярном в публицистике XVIII и начала XIX в.¹⁰⁶

Петр I представлен в диалоге 1802 г. человеком, готовым выслушать советы и мнение знаменитого философа: «Мое обыкновение есть идти прямо к цели. Проповедуй!» — говорит он Лейбницу. В дальнейшем «прение» ведут Лейбниц и Меншиков, сам император лишь изредка вступает в беседу.

Любимец Петра I, «на одном часу фельдмаршал и деньщик», А. Д. Меншиков, образ которого интересовал С. П. Румянцева еще в 1783 г., обрисован как убежденный сторонник самодержавно-полицейского государственного устройства: «Правитель земной есть подобие божие: во власти беспределен, в делах без ответа». Многочисленная армия внушает страх соседям, а «хорошие» полицмейстеры и «проворные десятские» поддерживают «внутренний порядок».

Меншикову противостоит Лейбниц, устами которого С. П. Румянцев развивает идею ограниченной монархии как наилучшего образа правления, доставляющего «благосостояние человечеству». Лейбниц считает, что «правление демократическое» и самодержавное равно «неудобны». Он предлагает поэтому Петру I: «Будь царь и самовластен, но владей только от собственного побуждения так, как в ограниченных монархиях владеет по предписанным правилам». Лейбниц резко нападает на фаворитов, зазнавшихся вельмож, которые «держат мнимых самодержцев в такой тесной осаде, что ни с какою полезною истинною и ни с каким добродетельным побуждением доступить до них нет способа». Истинный монарх («монарх-патриот» — по терминологии С. П. Румянцева) стремится охранять «щастие народное» и править так, чтобы «доставлено было последнему человеку средство избежать личного угнетения». Для этого самодержавному государю стоит подумать, говорит Лейбниц, нет ли возможности царю отказаться от обладания законодательной, судебной и исполнительной властью, оставив «законодательную и судебную власть той части народа, которой она принадлежит».

С. П. Румянцев в диалоге 1802 г., как и ранее, отчасти оправдывает «строгость» Петра (Петр признается Лейбницу: «поступаю иногда, как брат мой султан») огромностью преобразований («... тебе достался корабль нестройный, но лесу крепкого и здорового», — говорит Лейбниц), но одновременно отмечает, что не-

admire la vivacité et le jugement de ce grand prince (Петра I, — Л. К.)» («Не перестаю восхищаться живостью и рассудительностью этого великого государя»). Цитирую оба письма по книге: *Liselotte Richter. Leibnitz und sein Russlandbild*, стр. 53. Ср. также раздел «Leibnitz und Peter der Grosse» в книге: *I. M. Lange. Gottfried Wilhelm Leibnitz*. Berlin, 1947, стр. 62—63.

¹⁰⁶ Ср. многочисленные «Разговоры в царстве мертвых», «Разговор двух солдат в галерном флоте 1743 года», «Разговор прусского короля с фельдмаршалом Венделем 1759 года» и др.

которые его меры могут быть объяснены только «пылкостью духа» и «желанием прославления».

Образ Петра под пером С. П. Румянцева стал более разносторонним и правдивым. В этом диалоге, в отличие от статьи в «Собеседнике» в 1783 г., публицист характеризует его не только как преобразователя России, великого полководца, но также как человека и как самовластного государя: «Ты не пришел, государь, просить меня, должен ли сложить царство, — говорит ему Лейбниц, — да и я еще не так далеко странствую в бреднях, чтоб думать, чтоб какой-нибудь самодержец согласился на подчинение».

Надо также обратить внимание, что идея ограниченной монархии обоснована С. П. Румянцевым в 1802 г. необходимостью сохранить «последнего человека» от «личного угнетения». Эта мысль, без сомнения, перекликается с подготавливаемым им проектом «Указа о вольных хлебопашцах».

Подробное изучение всего басенного наследия С. П. Румянцева — предмет самостоятельного исследования, так же как и вопрос об отношениях С. П. Румянцева к И. И. Дмитриеву в 1810-е годы. Об этих отношениях говорит послание С. П. Румянцева к И. И. Дмитриеву, которое открывает тетрадь русских басен С. П. Румянцева.

В данной статье возможно ограничиться рассмотрением двух, наиболее значительных по содержанию басен («Езоп», «Китайский историограф»), существенных для характеристики мировоззрения С. П. Румянцева.

Первая из них — «Езоп» — следует непосредственно за предисловием и представляет стихотворное переложение одного эпизода из «Жития остроумного Есопа», приписанного Максиму Плануду. Это жизнеописание широко известно как в русских лубочных изданиях XVIII—XIX столетий (имевших в своей основе текст, впервые изданный в 1700—1717 гг.), так и в немецких и французских изданиях басен Эзопа, которые лежат в основе русских переводов в XVIII в.¹⁰⁷

¹⁰⁷ О житии Эзопа в изданиях 1712—1717 гг. см.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, редакция и вступительная статья П. Н. Беркова, М.—Л., 1955, № 58 (стр. 128—130) и № 229 (стр. 206). Лубочный текст («Житие остроумного Есопа») см.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, № 91. Издание середины XVIII в. («Житие славного баснописца Эзопа») с параллельными русскими и немецкими подписями под изображениями было отмечено в книге: Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. I. М., 1878, № 56, стр. 99—100. По мнению Д. А. Ровинского, основой лубочного текста было сокращение издания 1717 г., «в свою очередь бывшего сокращением немецкого издания Зимрока „Leben des berühmten Fabeldichters Esops“» (Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. IV, стр. 203—209). Позднее «Житие Эзопа» было известно на русском языке также в переводе Сергея Волчкова («Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранже, вновь изданные, а на российский язык переведены в СПб. канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. Печатаны в СПб. при Академии наук 1747 году»), имевшем в XVIII в. несколько повторных

Из легендарной биографии Эзопа С. П. Румянцев остановился на рассказе о том, как мудрый Эзоп избавил остров Самос от порабощения лидийским царем Крезом.¹⁰⁸ Этот эпизод мог привлечь внимание писателя своей вольнолюбивой окраской, которая значительно усилена в обработке С. П. Румянцева. Прославление вольности и посрамление «жестокоего тирана» вчерашним рабом Эзопом особенно ясно звучат во вступлении к басне и в ее эпилоге, не имеющим соответствия в прозаическом тексте «Жития Эзопа»:

Хвала фригийскому уроду:
Он притчу породил,
Везде и всем открыл свободу,
Сам раб, владык учил...
А вы, жестокие тираны!
Хотя б опричников имели без числа
Не служат казни вам; без пользы все обманы,
Нам скрытно вас разить теперь уж власть дана.

Хвала фригийскому уроду!
Подвергся перед ним гордыни истукан.
Он, Самос! не твою лишь отстоял свободу!
Нам всем и навсегда в защитники он дан

Кроме того, в басне С. П. Румянцева усилена тема гибельности рабства в совете Эзопа жителям Самоса, когда последние колебались, не признать ли власть Креза и не послать ли ему в знак покорности добровольную дань?

Текст лубочного издания

Фортуна показа два пути в житии: один путь — свободы, и сей имат начало злопроходно, конец же прям; другой путь — работы, ея же начало есть чисто и удобопроходно, конец же его — труды многи.

Басня С. П. Румянцева

В сей жизни два пути различно нас манят:
Ведуще к вольности отверстие не надежно,
Но лишь свершим сей путь — все блага предстоят.
Другой надежностью при входе нас прельщает,
Но к рабству он ведет,
Свершим: надежда исчезает и гибель настает.¹⁰⁹

изданий (1760, 1762, 1775, 1791), а также в переводе Д. Т. (Езоповы басни с баснями латинского стихотворца Филельфа... после вновь на российский язык переведенные Д. Т. В Москве, печатаны в вольной типографии у Хр. Клаудия, 1792).

¹⁰⁸ Содержание басни С. П. Румянцева соответствует по лубочным изданиям XVIII в. тексту к картинкам 23 («Эзоп сокровище ту обрете») и 24 («Эзоп отпущен от Ксанфа и к царю Крезу прииде»): «...придоше грамоты от царя Креза к самианом... И рече царь: да будет мир» (Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, № 91, стр. 299—300). По первому изданию перевода С. Волчкова (1747) этот эпизод соответствует главам 14 (Эзоп толкует чудный случай и за то себе свободу получил) и 25 (Эзоп пришел к лидийскому царю Крезу на поклон) на стр. 45—48.

¹⁰⁹ Государственный архив Рязанской области, инв. № 13370, л. 88.

С этой басней, где Эзоп объявлен защитником и создателем притчи, которая даст возможность писателям-сатирикам «скрытно» (аллегорически) «разить» (разоблачать) тиранов, переключается басня «Китайский историограф». Помимо содержания ее, заслуживает внимания авторская помета, сохранившаяся в рукописном тексте: «Читана Карамзину в Москве прежде издания его Истории». ¹¹⁰

В этой басне С. П. Румянцев повествует о китайском историографе, по обычаю (который, по мнению автора, «лучше пережить») заносившем в свой «временник» все злодеяния богдыхана-тирана. В ответ на угрозы батогами историограф обещал внести во временник и указ, и угрозы, считая, «что мужа праведна упрек» не слабее удара молнии. Монарх раскаялся.

Следует отметить, что авторизованная копия позволяет восстановить правильное и более резкое звучание заключительного четверостишия:

А если, Карамзин, в Истории ты своей
Тиранов посрамишь (напечатано: устрашишь),
бесчестивших порфиру,
Второго Тацита явишь тогда ты (исправлено
автором из: Вторым ты Тацитом тогда явишься) миру
И будешь тем прямой наставник впредь царей. ¹¹¹

Вполне понятно, что С. П. Румянцев, надеявшийся увидеть в «Истории государства Российского» труд Тацита, был не удовлетворен ею и, как писал М. П. Погодин, открыто высказал автору свое недовольство приверженностью Карамзина к самодержавию, сказавшееся в освещении многих фактов истории древней Руси. ¹¹²

Такова в основных чертах литературная деятельность Румянцева — писателя, оставившего целый ряд интересных стихотворных произведений, особенно «Dialogue. Dieu et le règne Naueg», «Духовную Сумарокова», вольнолюбивые басни «Эзоп» и «Китайский историограф», где своеобразно сочетаются передовые заветы европейского Просвещения и русской гражданственности.

Особенное значение имеют также его статьи на страницах «Собеседника», которые шли в русле той полемики, которую вел Фонвизин против Екатерины, и диалог «Разговор, бывший в Торгау» (1802).

В XIX в. С. П. Румянцев не только писал о вольности и о гибельности рабства, он выступил инициатором закона о свободных хлебопашцах (1803), сам же безвозмездно с землею освободил принадлежавших ему крестьян. Но эта сторона деятельности С. П. Румянцева заслуживает специального рассмотрения.

¹¹⁰ Там же, л. 90 об.

¹¹¹ Письма Н. М. Карамзина к графу С. П. Румянцеву (1825). — «Русский архив», 1869, стр. 598, прим. 6.

¹¹² М. П. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. 2. СПб., 1886, стр. 205.